

Джейсон Гудвин

ИСТОРИЯ ДОЛЛАРА
РАССКАЗЫВАЕТСЯ КАК
ИСТОРИЯ САМОЙ СТРАНЫ —
И, КАЖЕТСЯ, БОЛЕЕ
УВЛЕКАТЕЛЬНО,
ЧЕМ У ГУДВИНА, ЭТО
СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНО.

The Guardian

ИСТОРИЯ ДОЛЛАРА

Главные истории

Джейсон Гудвин
История доллара

«АСТ»

УДК 94(7)
ББК 63.3 (7) (4Вел)

Гудвин Д.

История доллара / Д. Гудвин — «АСТ», — (Главные истории)

С остроумием, проницательностью и вниманием к деталям, достойным Алексиса де Токвиля, Джейсон Гудвин, выпускник Кембриджа, историк и писатель, превращает «Историю доллара» в настоящую биографию, странную, непредсказуемую, трагичную и зачастую откровенно смешную. Это история первооткрывателей и авантюристов, президентов и мошенников, банкиров и фальшивомонетчиков, художников, аферистов, безумцев, фанатиков и искателей приключений. Гудвин сплетает экономическую теорию и фольклор, исторический анекдот, политическую философию и подлинный документальный детектив в увлекательную и парадоксальную книгу о том, как история одной страны стала историей ее денег.

УДК 94(7)
ББК 63.3 (7) (4Вел)

© Гудвин Д.
© АСТ

Содержание

Введение: Американская мечта	6
1. Обещание заплатить	11
2. Охотник за сокровищами	16
3. Сад	28
4. Антиквары	37
5. Мудрец	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джейсон Гудвин

История доллара

Jason Goodwin

Greenback: The Almighty Dollar And The Invention of America

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© 2003, Jason Goodwin

© Андрей Бодров, перевод, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Табби и Джею, пионерам; их сыну Феликсу, рожденному в США,
и в память об Эсме*

*Я не стоил и цента два года назад, а теперь должен два миллиона
долларов.
Подслушано Марком Твеном*

Введение: Американская мечта

Вот как я потратил свой первый доллар.

Когда мне было семнадцать, я простудился в автобусе, на котором возвращался в Ахмадабад, чтобы там пересестись на поезд. Путеводитель называл Ахмадабад индийским Бирмингемом. Я месяц путешествовал по Индии. Сзади на автобусе имелась надпись: «Сигнальте, пожалуйста» и «ОК, Тата». Водитель жег палочку с благовониями перед открыткой с изображением Кали на приборной доске. Я нашел отель для коммивояжеров, где никто не говорил по-английски, и всю ночь обливался потом в прохладной комнате.

Утром я, стиснув зубы, оделся и попытался выбраться из Ахмадабада. Здание городского вокзала было выдержано в стиле викторианской готики, с башенками и венецианскими окнами. Там было полно людей в пижамах. Огромные очереди к кассам двигались еле-еле. После долгого ожидания я попросил билет до Бомбея. Кассир сверился с каким-то бланком и помотал головой. Через два дня. Возможно. Люди, стоявшие позади, теряли терпение, начали протискиваться между мной и решеткой кассы, тряся деньгами. Но я был слишком болен, чтобы уступить: достал из кошелька на поясе зеленую банкноту, сунул ее под кипу грязных розовых рупий и подвинул всю грудку к кассиру.

– Первый класс, спальное место до Бомбея, – сказал я.

Клерк изучал доллар не дольше моего. Купюра как-то сразу и незаметно исчезла, а мне протянули картонный билетик с номером полки. Вскоре я уже смотрел на удаляющийся Ахмадабад и на следующий день приехал в Бомбей.

Вот на что запел мой первый доллар – на взятку. Его способность нарушать правила за много миль от дома искренне меня поразила. С тех пор я больше никому взяток не давал, но тратил доллары и зарабатывал их. Помню, как в Восточной Европе еще в начале 90-х почувствовал этот привкус «холодной войны» при виде долларовой купюры. Мне нравятся слова «никель»¹ и «дайм»². Иногда я беру в английский банк долларовый чек и расплачиваюсь им через стойку, чувствуя себя Уолтером Митти: однодневным трейдером, голливудским консультантом, специалистом по живописи или наркобароном. Это совсем иное дело, нежели расплачиваться в банке тысячей фунтов, полутора тысячами евро – манипуляции с долларами в буквальном смысле делают меня ближе к деньгам. Кассир всегда зачеркивает печатный значок фунта в платежном бланке о внесении средств и рисует значок доллара с двумя вертикальными палочками, как мультипликатор, изображающий мешок с деньгами. В британских мультфильмах мешки взломщиков помечены SWAG³. В американских мультфильмах у героев появляется знак доллара в глазах.

Добыча в мировом масштабе установлена на отметке в 7 триллионов долларов. Подавляющее большинство этих денег существует в электронном виде, но порядка 666 млрд отпечатаны номиналом от \$1 до 10 000 в виде 22 млрд банкнот или чеков, почти треть из которых находится в обращении за пределами США. Это значит, что долларовых банкнот в мире существует больше, чем какого-либо иного маркированного изделия, включая банки кока-колы. А ведь всего два века назад в США были в ходу предположительно 10 млн долларов, и тогда эта сумма считалась уймой денег. В 1776 году 10 миллионов было вполне достаточно. С тех пор купюры сильно расплодились.

Поэтому неудивительны подозрения в том, что долларовые банкноты ведут двойную жизнь. Специалисты таможенного управления США недавно изучили однодолларовые

¹ Монета в пять центов (*прим. пер.*).

² Монета в десять центов (*прим. пер.*).

³ Награбленное добро, добыча (*прим. пер.*)

купюры из пригородов Чикаго, Хьюстона и Майами и обнаружили следы кокаина на 78 % банкнот. Особенно много порошка оказалось на старых бумажках из Хьюстона и Майами.

Кокаин являлся не единственным «попутчиком» долларовых купюр. Нефтяной магнат Говард Хьюз, у которого долларов было больше, чем многим из нас удастся видеть за всю жизнь, не прикасался к ним из страха перед микробами. Подобно царю Мидасу, обращавшему в золото все, к чему бы он ни притронулся, Хьюз чокнулся, борясь со своими богатствами. Персонал одного старого загородного клуба в Сан-Франциско буквально отмывает сдачу, которую выдает своим членам. Другие ненадолго засовывают деньги в духовку.

В Большой печати Соединенных Штатов на обороте долларовых купюр, возможно, спрятаны зловещие послания. Расхожая теория указывает на масонскую секту под названием «иллюминаты», чьей целью является ниспровержение правительств. Секта настолько тайная и беспощадная, что больше о ней ничего не известно. Первым американцем, которого перепугали иллюминаты, был бостонский проповедник Джедедайя Морзе. Его более знаменитый сын стал телеграфным королем и изобрел азбуку Морзе. Различные оккультисты утверждают, что однажды к Томасу Джефферсону явился загадочный человек в черном и рассказал ему, какие символы воспроизвести на Большой печати. Любой знаток заговора с линейкой, компасом и склонностью к вуду может воспользоваться долларовой банкнотой, чтобы нарисовать девятиконечную звезду, традиционно ассоциирующуюся с вызовом самого дьявола.

На долларовую купюру можно вполне законно нанести собственную пометку, если ваши намерения не носят преступного характера. Так, сайт под названием Wheresgeorge.com предлагает купить небольшую резиновую печать за \$4,95 и ставить ее оттиск на своих купюрах. На печати вырезано Wheresgeorge.com, что позволяет проследить путь банкноты по ее серийному номеру через Интернет. Любопытно, что на данный момент рекордсменом на Wheresgeorge.com является долларовая купюра, проделавшая путь в жалкие 375 миль, будто эти доллары знают, что за ними следят, и подают ложные сигналы. Ведь неоспоримо, что 3 млрд купюр самых разных номиналов отправились в куда более серьезное путешествие – в Латинскую Америку и Золотой треугольник в Юго-Восточной Азии. Они живут под матрасами в далеких русских деревнях, ведут складчину жизнь экспатриантов в Европе (евродоллары) и на Ближнем Востоке (нефтедоллары). Они никогда не возвращаются домой. «Будет ли нарушением коммерческой тайны, – спросил я в своем банке в Гемпшире, – сказать мне, сколько долларов прямо сейчас в вашем распоряжении?» Кассир с довольно таинственным видом сообщил, что да.

Любая долларовая купюра, выпущенная Казначейством или Федеральной резервной системой с 1863 года, сегодня пригодна к использованию. Вы можете даже уплатить ею налоги. (Попробуйте проделать это в банке с купюрой в десять шиллингов или с пятьюдесятью тысячами неденоминированных французских франков и увидите, что получится.) Американская система социального страхования совсем не так хороша, как могла бы быть, но долларовые банкноты окружены заботой от колыбели до могилы: ветераны, прошедшие через стиральные машины, искалеченные и разорванные на кусочки, – все, при условии, что цел серийный номер, могут быть выхожены и, так или иначе, возвращены в строй. Что касается старых банкнот, скрипофил (коллекционер бумажных денег), очевидно, заплатит за них больше Федеральной налоговой службы.

Недавно я прочел в газете о священнике, задержанном при попытке ввезти в США контрабандой три поддельные купюры номиналом в сто тысяч долларов. В статье уточнялось, что стотысячных купюр не существует в природе. Хотя на самом деле они есть, но их больше не выпускают: на стотысячных банкнотах, которые печатались для внутреннего обращения Федерального резерва, изображен Вудро Вильсон.

Я также читал, что одна пожилая дама попыталась расплатиться за свои покупки в Блумингдейле купюрой достоинством в миллион долларов. Судья мягко сказал ей:

– Купюры в миллион долларов не являются законным платежным средством.

Дама изготовила новую банкноту сама, нарезав нули из десятидолларовых купюр и приклеив нужное количество. Она возразила:

– В данном случае являются, ваша честь.

Но нет. Деньги – это вера, которую должны разделять другие люди, даже судьи. Иначе деньги бесполезны: вы не можете их съесть или надеть,⁴ купить ими любовь (хотя можете повысить свои шансы) или прихватить с собой на тот свет. При этом деньгами может быть что угодно: золото и серебро, горошины и бумага, ракушки и тяжелые камни, вообще ничего, кроме скольжения по гребню электронной волны. Но каждый должен признать их таковыми. Ведь мы принимаем к оплате деньги, веря, что другие, в свою очередь, тоже их примут. Это работает, потому что работает.

Веру в деньги подкрепляют законы, зачастую чуть ли не драконовские. Эмиссионные органы яростно защищают свое авторское право, в том числе от недоумевающей пожилой леди. Но ее «экономическое преступление», как говорят китайцы, заключалось в том, что она была поймана с поличным: экономисты не различают (да и не могут) подлинные и фальшивые деньги. «С точки зрения экономиста, фальшивые купюры и монеты – до тех пор, пока они принимаются к оплате, – столь же полновесны, как их легальные собратья», – пишет Гэвин Дэвис в своей «Истории денег». Пожилая дама попалась потому, что ее миллион долларов в реальности вовсе не был миллионом. Но единственная причина этого заключалась в том, что ее поймали. В противном случае она, быть может, обратила бы миллионную купюру в кошачий корм эквивалентной стоимости. Затем производитель кошачьего корма расплатился бы с мясниками, мясники поддержали бы финансово свои любимые рестораны, шеф-повар расплатился бы с поставщиками, поставщики – с фермерами, фермеры – с производителями семян, производители семян – с поставщиками и т. д. Женщина собиралась тратить, и максимальная угроза, которую она представляла обществу, заключалась в ничтожной возможности того, что ее купюру в миллион долларов, сочтенную законной, так никогда бы и не уничтожили. Марк Твен описал возможность таково развития событий в 1889 году в рассказе «Банковский билет в миллион фунтов».

История знает незначительное число примеров того, как пожилые леди определяли, чем должны быть деньги, но вот джентльмены проделывали это регулярно, и споры о том, что является настоящими деньгами, а что нет, серебряной жилой бегут в толще американской истории.

Эта бесстрашная фальшивомонетчица кажется мне типичной американкой, отстаивавшей в суде свои собственные неприемлемые, но, видимо, непоколебимые воззрения на природу денег. Европейцы приучены думать о том, что является деньгами и откуда они берутся, совершенно иначе. Для них деньги – атрибут власти, символ авторитета и знак законности. Дурные короли портили монету и тем самым обкрадывали на разницу свой народ; хорошие – придерживались традиций и поддерживали стандарты. Подданные в обоих случаях мирились с неизбежным.

«В данном случае являются, ваша честь» – очевидно, насколько это абсурдный ответ. Однако в иных обстоятельствах он выглядел бы благородным вызовом. В конце концов, требование исключений – суть свободы и подразумевает право быть иным, не действовать по правилам, не склоняться перед чьим-либо полномочием в том, что касается принужде-

⁴ Истории простых американцев, питавшихся деньгами и надевавших их, о которых я скажу ниже, не противоречат этому утверждению. Американцы даже скуривали деньги и использовали для подгонки досок. Но в каждом случае те переставали быть деньгами (*прим. авт.*).

ния или образца. В 1776 году британское правительство объявило, что жалобы и недовольство не являются оправданием для колонистов в их неподчинении закону. «В данном случае являются» – в этих словах суть революционного ответа американцев. Свобода священна и опасна. «В данном случае являются», – заявляет в свое оправдание рабовладелец, вооруженный преступник или террорист, и свободное общество вынуждено постоянно оговаривать границы его свободы.

Выйди же на сцену, главный герой!

На аверсе доллара, разумеется, другое лицо. Темный фон заостряет внимание на его белых курчавых локонах, повязанном на шее белом платке и белых кружевах на крахмальной рубашке. У него широкая челюсть. Он смотрит на вас небольшими усталыми глазами – нестигаемый командующий, выигравший войну, отвергнув саму возможность поражения. Он держал свою армию в узде восемь трудных лет, пока вражеские войска – одно из самых вышколенных, опытных и хорошо оплачиваемых воинских формирований в мире – не сдались первыми. Их вымотал генерал Вашингтон.

Он появился на банкноте в узкой лирообразной рамке почти за восемьдесят лет до начала Второй мировой войны и до Великой депрессии: точно такой же Джордж Вашингтон, на таком же долларе, того же черного цвета, с теми же лавровыми листьями, единицами в каждом углу, с теми же завитками и паутиной линий.

Его выпустили на свет в ревущие 1920-е, в эпоху обтекаемых предметов, небоскребов, массового производства и дизайн-студий: портрет восемнадцатого столетия среди лавровых листьев и настольных вычурных зеркал борделя. Уже тогда он выглядел как святыня.

Ведь тогда США только вышли из круговерти изнурительных теологических дебатов, которые могли бы соперничать с острыми религиозными конфликтами, расколовшими Европу в XVI веке и породившими национальные государства. Американская теология была светской, вращалась вокруг денег и свободы, обязательств и оплаты, дохода и убытков. На самом деле она вращалась вокруг денежного чуда.

Религия денег известна, как культ мамоны; Доллар Всемогущий – ее верховное божество. Это еще более солидное и прочное учреждение, чем католическая церковь, оно имеет приверженцев даже на далеких индийских вокзалах. Есть католики, не согласные с папой римским, но на рынке ценных бумаг председатель Федеральной резервной системы непогрешим. За последние пятьдесят лет несколько стран обратились в «долларовую веру», а среди прочих, где такой процесс порицался свыше, отдельные граждане ревностно конвертировали свои песо, фунты или рубли. По всему земному шару разыгрывались дикие сцены: люди дрались за возможность купить доллары в качестве страховки от инфляции, дефляции, девальвации или перспективы неизбежной бедности.

Нью-Йорк – священный град, где банкиры, местные и иностранные, перемещаются от святых даров одной переговорной комнаты к следующей – в тиши лимузинов, подобно кардиналам в папской курии. Эту веру повсеместно поддерживают финансовые советники, банкиры, биржевые маклеры и валютные брокеры, в то время как юристы корпораций, бухгалтеры по налогообложению и ФРС дискутируют по поводу правил с меньшим пылом, чем средневековые теологи из-за количества ангелов, способных станцевать на острие булавок. Аналитики в СМИ вещают с апломбом стародавних проповедников. Деньги постоянно творят чудеса; выигрыши в лотерею и удачные публичные торги акций порождают мгновения, когда магия доллара нисходит на людей точно благодать.

У доллара куча имен: «спондулики», «баксы», «лавэ», «башли», «пачки», «нал», «гроши» и даже «симолеоны»⁵. Так, вероятно, их проще использовать. Ведь скажешь

⁵ Перечислены амер. жаргонизмы, означающие доллар или деньги: spondulicks, bucks, dough, wad, ready, boodle, beans,

«деньги» – и тут сразу дело серьезное; назовешь «стольником»⁶ или «десяткой»⁷ – и все, ты уже в игре, которую Данте, уготовивший стяжателям специальный круг ада, назвал «Божественной комедией». Впрочем, мы все в нее вовлечены.

Когда люди думают о деньгах, то жаждут иметь их как можно больше. Американцы сделали такое желание своей точкой отсчета и экспериментировали с деньгами, как ни одна другая нация: деньги из раковин, бумажные купюры, частные банкноты, золото и серебро, банковские деньги и государственные. В процессе люди научились заключать сделки, устанавливать цены, блюсти свои интересы. А еще тому, как добывать деньги, если не из воздуха, то из природных богатств своей земли и изворотливости собственного ума. Они стали спорить, сколько все это, собственно говоря, стоит. Разрешение спора на протяжении долгих лет определило их как нацию. Для того чтобы прийти к тому, чем мы являемся сейчас, понадобилось сгладить массу расхождений или, по крайней мере, сделать их обманчиво незначительными.

simoleon (прим. пер.).

⁶ C-note (амер. сленг) – стодолларовая купюра (прим. пер.).

⁷ Sawbuck (амер. сленг) – десятидолларовая купюра, дословно: «козлы» (прим. пер.).

1. Обещание заплатить

Об испанском серебре – Богемские рудники – Алхимия – Неожиданные дары

Рим основали два близнеца, вскормленные волчицей, Британию – троянцы, Польшу – сыновья речной богини. В Китае червь сотворения выполз из яйца вечности: оно, вероятно, было отложено в Индии. По легенде североиспанских басков, когда Бог решил создать человека, он взял необходимое с баскских кладбищ. Только Америка была рождена из любви к деньгам.

«О, прекраснейшее золото! – воскликнул Колумб во время своего первого путешествия. – Кто обладает золотом, тот обладает богатством, [которое] даже душам помогает попасть в рай». Фердинанд и Изабелла Испанские отправили первое американское золото папе римскому, который употребил его на то, чтобы покрыть позолотой обновленный свод Санта-Мария-Маджоре. Остальное пустили на изготовление дублонов. Это были новые монеты с двойным портретом правителей, символизировавшие рождение новой Испании из союза арагонского короля Фердинанда и кастильской королевы Изабеллы.

Так испанцы оказались во власти Золотой лихорадки. Золото, которое ацтеки и инки копили столетиями, за время жизни одного поколения ободрали с их храмов и дворцов и отправили в Испанию. После этого новые слухи повели завоевателей дальше, вглубь материка, за горные хребты. Сибола – семь золотых городов – оказалась выдумкой. Испанцы устремились на север, в нынешний Канзас, по следу еще одного золотого города – Кивиры. Вскоре после этого французы прослышали о Сагенее – королевстве на далеком севере, где усеянные рубинами люди парят в воздухе, как летучие мыши. Французский король Франциск I отправил на его поиски Жака Картье, мореплавателя из Сен-Мало.

Ученые говорили, что жаркие лучи солнца притягивают драгоценные металлы к экватору. С течением времени под воздействием солнца под землей трансмутируют даже неблагородные металлы: жилы свинца обращаются в серебро, серебро – в золото. Люди утверждали, что поклонявшиеся солнцу инки далеко не случайно отдали конкистадорам такие несметные богатства.

Но оказалось, что в реальности золота не так уж много. Никакого Эльдorado, золотого человека, смывавшего с себя золотую пыль в водах потаенного озера, не существовало: он был лишь легендой, пусть и той, в которую все хотели верить. Возможно, мир оказался слишком молод, солнце не завершило трансмутацию, поскольку вокруг оказалось полно серебра, и к 1600 году на территории нынешней Боливии возник город Потоси, отгороженный от остального мира высокими Андами. Превышавший по размерам Париж, Лондон или Мадрид, это был самый красивый город испанской Америки со своими двенадцатью церквями, барочными *паласио*, мощеными улицами и общественными питьевыми фонтанами. «Я богатый Потоси, – гласила надпись на его гербе. – Сокровищница мира, король гор, предмет зависти королей». Местные жители почитали честь превыше жизни, а еда стоила там дороже, чем где-либо в Испанской империи. Над городом возвышалась *Монтана де Плата*, Серебряная гора, на которой тысячи индейцев выламывали руду, набивали ею бочки и спускали для очистки к подножию. Еще сотни трудились над тем, чтобы извлечь драгоценный металл из породы. Технология извлечения серебра из руды с помощью ртути достигла Америки в 1557 году. Ртуть десятикратно увеличила добычу в Потоси, попутно лишая индейцев слуха, зрения и награждая безумием. Расплавленное серебро отливалось в плашки. Индейцы выбивали на кругляках портрет испанского короля. Все еще неровные по краям монеты сыпались в мешки и начинали свое путешествие к побережью.

Ничто в Потоси не могло подготовить к миру за его пределами. В долине рыскал пронизывающий ветер, тревожа лишь растрескавшуюся глину. На сотни миль в оба ее конца росли лишь серые клочки колючей травы *мерино*. Караваны с серебром тащились по долине к Арике, откуда испанский тихоокеанский флот, *Армада дель Сур*, доставлял сокровища с западного побережья Южной Америки к Панаме. Затем выючные мулы везли их через перевал к Объединенному флоту, державшему курс на Севилью. За сорок шесть лет, начиная с 1580 года, на транспорты, сопровождавшиеся военными кораблями для защиты от рыскавших по Вест-Индии французских и английских пиратов, было отгружено 11 000 метрических тонн золота и серебра. Морские пути сперва проложило золото Монтесумы; сокровища Покапетля ацтеков, накопленные в течение сотен лет: столь искусные металлические изделия, что великий гравер Альбрехт Дюрер скорбел о том, что испанцы уже переплавили – тысячи тонн серебра и еще какое-то количество золота. Это были богатства континента, награбленные для пополнения военного бюджета испанских королей.

Парадоксально, но Испания не становилась богаче. Священник Гонсалес де Селлориго размышлял над этим грустным уроком в 1600 году в своих «*Memorial de la politica necesaria y util a la república de Espana*»⁸: «Богатства, что под парусом приходят на континент, разоряют Испанию... причина нехватки золотой и серебряной монеты в Испании заключается в том, что того и другого слишком много, и Испания бедна, потому что богата». Он был прав. Недавно объединенная, поспешно изгнавшая мавров и евреев, находящаяся под пристальным надзором святой инквизиции, католическая, неподвижная и благородная Испания ничего не увидела из своих богатств, кроме дворцов, фонтанов и далеких войн, в то время как ирригационные системы мавров приходили в упадок, а евреи, понимавшие толк в деньгах, возродили Салоники на территории нынешней Греции. По мере того, как цены в стране росли, испанское серебро утекало за рубеж для приобретения более дешевых вещей. Пока Испанские королевства не получили прозвище «Индии других королевств», и серебряный поток, разбивавшийся об испанские берега, не иссяк, по замечанию одного проницательного венецианца, так же стремительно, как хлещущая с крыши дождевая вода.

Добыча в недрах Серебряной горы идет по сей день. Шахтеры работают в кооперативе: они все пришли из Потоси и не знают ничего другого. Они трудятся по много часов и рано умирают: демонстрируют туннели посетителям, привозящим им в подарок порох.

в то ЖЕ САМОЕ время, когда конкистадоры отправились в Южную Америку, дворянин из Центральной Европы граф Шлик начал чеканить собственную монету, используя серебро, добытое в недрах лесистых гор Богемии (нынешняя Республика Чехия). Сейчас местные холмы усеяны обезжиренными курортными городками с безрадостными пролетарскими отелями. Они все пронизаны шахтами и туннелями, прорытыми между пятнадцатым и восемнадцатым столетиями, когда большая часть европейского серебра чеканилась в Богемии. Одной из самых унылых здравниц является городок Яхимов.

Известный во времена графа Шлика как Иоахимсталь, он даже не напоминал об унынии. Это был шумный, уродливый и богатый город экономического бума, питавшийся колоссальной отдачей шахт. Когда в 1519 году граф Шлик, владевший этими землями, обратил свою долю серебра в монету, ничего подобного ей прежде никто не видел. Монета из Иоахимсталя получила название «талер» (от слова *таль*)⁹. В мире, где купцам приходилось иметь дело со старыми, истертыми, неполновесными платежными средствами сомнительной стоимости и почти нечитаемого происхождения, новые монеты приняли на ура. На них

⁸ «Записки о нужной и полезной политике в Испанской республике» (исп.).

⁹ *Thal* (нем.) – долина. Отсюда английское *dale* или *dell* (прим. автора).

был изображен сидящий граф со всеми регалиями – столь величавый, что его корона перекрывала надпись, сделанную по краю. Вес одной монеты равнялся саксонской унции.

Размер талеров привлекал купцов, вовлеченных в экономическое возрождение Европы: сделки увеличивались, и крупная серебряная монета пришлась как никогда кстати. Другие правители Центральной Европы последовали примеру графа и перчеканивали свою монету по образцу талера из Иоахимсталь. Вскоре на территории крошечных государств, которыми была наспигована Священная Римская империя, циркулировало примерно полторы тысячи имитаций талеров. Впрочем, самым влиятельным имитатором являлся верховный сюзерен – германский император, герцог Бургундский, правитель Нидерландов, Богемии, значительной части Италии и всей Америки – Карл V Габсбург. Он взял талер за образец для своей монеты, рассеявшейся по всему миру, как итальянский *таллерио*, голландский *даальдер*, эфиопский *талари*, самоанский *тала* и английский *доллар*.

В 1527 году Иоахимсталь обзавелся собственным рудничным врачом, Георгием Агриколой. Когда ему было шестнадцать и его еще звали Георг Бауэр. Агрикола решил создать эликсир, который позволил бы ему прожить семьсот лет, и камень, одним касанием обрабатывавший все вокруг в золото. Исследования привели его в университеты Северной Италии и подорвали веру в алхимию. В Лейпциге Эразм научил Георга мыслить. «Зрелище столь большого числа писателей со всей убедительностью уверяет нас в том, что они достигли поставленной перед собой цели, и кажется, им можно доверять. – размышлял Агрикола. – Однако тот факт, что никто из них не разбогател на своем ремесле и даже не стал богаче, хотя великое множество наций породили и порождают алхимиков, денно и нощно прилагающих усилия к тому, чтобы получить несметное количество золота и серебра, заставляет меня полагать, что это дело сомнительное».

В Иоахимстале, работая вместе с горняками, он увидел нечто более интересное: неопровержимое доказательство того, как люди могут обращать горную породу в серебро. Георг купил свою долю рудничных акций, и расходы на них щедро окупались.

В противовес сотням книг, которые ученые и мудрецы написали об алхимии, более полезные знания горняков собирались по крупицам и передавались из поколения в поколение в относительной тайне, пока ими не заинтересовался Агрикола. Он стал первым ученым, изучившим скрытые знания и обычаи серебряных рудников. Его первая книга с предисловием Эразма Роттердамского обращалась к терминологии и традициям горного дела в форме диалога. В ней Агрикола рассматривал подземный мир как отдельную сущность. В следующей книге – «*De Animantibus Subterraneis liber*»¹⁰ – он предпринял героическую попытку классифицировать и описать обитавших под землей живых существ. Начал с червей и кроликов, прошел весь путь вплоть до гоблинов и призраков, часто встречавшихся рудокопам во время работы. Некоторые существа оказались зловредными, но тех, кого на греческом и немецком звали *кобалами*, – добрыми. Имея два фута росту, они выглядели неправдоподобно старыми, много смеялись и всегда были чем-то заняты.

В конце концов Агрикола достиг желаемого: его «*De Re Metallica*»¹¹ стало первым детальным изложением методов ведения горных дел. К тому моменту, когда трактат напечатали, Агрикола умер, но книга сделала автора знаменитым, а сама оставалась классическим руководством на протяжении почти двух столетий, выдержав десять изданий на трех языках. В ней были ответы всем: и тем, кто говорил, что горный промысел сильно загрязняет реки, и в них переводится рыба, и тем, кто заявлял, что он изводит леса и лесного зверя,

¹⁰ «Книга о подземных животных» (лат.).

¹¹ В русском переводе: «О горном деле и металлургии в двенадцати книгах». М.: Недра, 1982.

уродует пейзаж и извлекает на свет оставленное Господом невидимым. Агрикола атаковал даже Овидия, писавшего:

И от богатой земли не одних урожаев и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням стигийским,
Стали богатства копать, – ко всякому злу побужденью!
С вредным железом тогда железа вреднейшее злато
Вышло на свет и война, что и златом крушит, и железом,
В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.¹²

Связи Иоахимсталля с современной Америкой не исчерпывались тем, что он обеспечил страну названием валюты. Перевод «De Re Metallica» на английский появился и был богато издан Горным обществом лишь в 1912 году. Переводили и редактировали книгу американская классицистка Лу Гувер и ее муж Герберт – богатый горный инженер. Они отнеслись к методам и убеждениям Агриколы со сдержанным почтением. «Ни море, ни лес так не подходят для доказательства сверхъестественного, как горная выработка, – писали супруги. – Непроглядная мгла, в которой лампы шахтеров лишь искажают все тени, таинственные звуки потревоженной каменной толщи, лишенной своей опоры, опасность и смерть, приближающиеся без предупреждения, внезапные повороты удачи – все это дает тысячекратное подтверждение потустороннего бытия для умов, глубоко погрязших в невежестве, чье религиозное обучение лишь еще больше подготовило их к явлению чудесного».

Дальнейшая карьера Герберта Гувера сделала его 31-м президентом Соединенных Штатов в 1929 году – в последнем году американского Золотого века, когда рядовым гражданам меняли бумажные доллары на золото по первому требованию. Затем последовал крах на Уолл-стрит и Великая депрессия.

Серебро Иоахимсталля к тому времени было давно и полностью выработано. Город превратился в небольшой курорт на минеральных водах со специализацией «по болезням печени и сердца». В 1904 году мадам Кюри осмотрела руду из заброшенных шахт Иоахимсталля и перевезла ее в товарных вагонах в Париж. Из породы, которая дала первые талеры или доллары, ученая выделила в чистом виде два новых элемента, которым дала название радий и полоний. Их открытие иссушило руки Кюри, а потом убило ее, но вдохнуло ужасную новую жизнь в угасающий город, вскоре ставший известным под своим чешским именем – Яхимов. Именно здесь нацисты начали свои эксперименты по созданию атомной бомбы. В коммунистические же времена, когда в Яхимове лечились Герои Труда, политические заключенные добывали в окрестных холмах уран.

Ранним утром в понедельник 16 июля 1945 года США взорвали первую атомную бомбу, начиненную оружейным ураном, в пустыне штата Нью-Мексико. Три недели спустя, незадолго до полуночи 5 августа по вашингтонскому времени, американские летчики сбросили одну атомную бомбу на Хиросиму, другую через несколько дней на Нагасаки, разрушив оба города. Вероятно, Овидий был прав. Так или иначе, уран и доллар – самые яркие символы мощи в современном мире стали дарами небольшого курортного города в Богемских горах.

Истории о том, как рудокопы в одночасье становились богатыми, а в следующую минуту все теряли, многочисленны. Граф Шлик тоже недолго наслаждался роскошью. В 1528 году, спустя девять лет после чеканки первого талера, его дело присвоили Габсбурги.

¹² Овидий «Метаморфозы» (пер. с латинского Шервинского С. В.).

Имперский рейхсталер, названный по-английски риксдоллар, был оценен в восемь испанских реалов. На аверсе этих «испанских долларов» красовалось изображение свитка в форме латинской буквы S, что, вероятно, обозначало Севильский монетный двор, через который проходило все испанское серебро из Америки, и две колонны, которые Геркулес поставил, дабы оградить вход в Средиземное море. Древние мореплаватели полагали невозможным миновать Геркулесовы столпы, но американские сокровища Карла V опровергали это мнение. Поэтому император повелел чеканщикам добавить на монету легенду *Plusultra*, то есть «дальше предела».

Испанские серебряные доллары являлись основой мировой торговли до середины XIX века: они пополняли сокровищницы всех без исключения монархов, запечатывали глаза умерших в Китае, завлекали полинезийских царьков в лоно христианской церкви, висели грузом на юбках балканских цыганок, служили взяткой в Леванте. Испанцы называли их *онсас де плата* – серебряной унцией, песо, песо дуρο или пиастрами. В Ост-Индии они были известны как гурды. Пираты в Вест-Индии за них убивали: отправляли «прогуляться по доске», «постучать каблуками» или «поплескаться». Некоторые монеты превращали в подвески, другие закапывали в землю. Время от времени «монеты в восемь реалов», превратившиеся под действием моря в зазубренные клецки, находят по всему побережью Флориды и на берегах Центральной Америки. Ловкие ныряльщики, обозначающие на картах древние обломки, по-прежнему загребают жар чьих-то морских утрат.

2. Охотник за сокровищами

Дикость – Вампум – Пиратские монеты – Охота за сокровищами – Колдовство – Придуманная страна – Постоянно действующее предложение

16 ноября 1643 года шестнадцать галеонов и сопровождавшие их корабли отплыли из Пуэрто-Плата в Центральной Америке, чтобы доставить в Испанию добытое за год серебро. Флотилия взяла курс на север, желая выйти в Атлантический океан за Багамскими островами, где ее должны были подхватить западные ветры и течения. Однако через два дня налетел ураган, капитаны приказали убрать все паруса и плыть с голыми мачтами, пока шторм не выдохнется. Ночью «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон» сбилась с курса: наутро ее экипаж обнаружил, что море вокруг пустынно, а корабль несется на «котлы» Багамских островов, где коралловые рифы в беспорядке вспенивали водную поверхность.

Пройти сквозь эти рифы сложно. Отягощенную серебром «Нуэстру Сеньору» ветер бросал из стороны в сторону, в конце концов она наскочила на риф.

Ее днище, вероятно, разорвал зазубренный, словно пила, коралл. По всей видимости, во время удара мачту выбило из опоры. Смерть корабля была скорой. Одна часть экипажа наверняка бросилась молиться, другая оцепенела от ужаса, а некоторые искали плавучие предметы и бросались в море. Через час-два или быстрее все они оказались мертвы, а расколотый корабль с серебром в трюме мертвым грузом опустился на дно нахлестываемого ветром океана. На это судно потратили много труда и умения, с ним связывали надежды, на него уповали. И все внезапно поглотило голодное море, словно корабля никогда не существовало.

Однако это не конец истории. Груз «Нуэстры Сеньоры» вновь явился на свет благодаря усилиям человека, чей невероятный успех изменил не только его собственную судьбу, но и привел к провалу, давшему рождение современным деньгам в Америке.

в 1651 ГОДУ в двух тысячах миль к северу от места кораблекрушения, в большой бревенчатой хижине на берегу реки Кеннебек в Массачусетсе Мери Фипс родила своего двадцать первого ребенка, Уильяма¹³. Мистер Фипс считал родительское бремя слишком тяжелым и умер. Его вдова, разумеется, опять вышла замуж и родила еще восемь детей. Это была большая, шумная, неграмотная семья, жившая охотой и звероловством, фермерством и рыбной ловлей. Их дом был сложен из бревен и не имел оконных стекол.

«Вначале, – писал английский философ Джон Локк, – весь мир был Америкой». Имея в виду дикость и малочисленность населения, страну без связей и удобств. Ферма Фипсов идеально подходила под это описание. Расположенная на скалистом берегу, она была окружена землями индейцев вабанаки. Дальше к северу находились враждебно настроенные французы. Ферма была вне зоны досягаемости или защиты властей Бостона, принадлежала морской империи отмелей и утесов, речных берегов и портов; империи, которая за две сотни лет продвинулась не больше чем на сотню миль вглубь материка. Даже будучи на вершине своего могущества в Атлантике, когда британцы контролировали 1100 миль побережья от Ньюфаундленда до Флориды, колониальная Америка оставалась узкой полоской земли, повернувшейся спиной к лесам, жадно вглядывавшейся в океан и в то, что скрывалось за его просторами. Торговля и сообщение, циркуляция новостей и денег совершались на побережье. В те годы для путешествия, скажем, из Бостона в Филадельфию садились на корабль. И пусть Лондон был далеко, в трех тысячах миль по ту сторону океана, он многим колонистам

¹³ Современные ученые обнаружили, что у Фипсов было только шесть детей, по они имели дело с записями едва ли более надежными, чем легенда (прим. автора).

казался ближе, чем они друг к другу или к неизведанным землям и рекам, лежавшим по ту сторону Аппалачей на западе.

Инстинкт заставлял колонистов держаться берега. Каждое утро солнце поднималось из океана, а тени местных обитателей, шпилей и корабельных мачт клонились к лесам, будто указывая цель трудового дня. По мере движения солнца тени медленно поворачивались, пока вечером, когда наступало время идти по домам, они не вытягивались на восток, к Атлантике. Лишь призраки деревьев подползали ближе, растекаясь в сумерках по недавно распаханым полям.

Участок Фипсов был огромен: земель колонисты были богаты настолько, насколько это не представлялось возможным в Старом Свете. Только рабочих рук для ее возделывания, которых в Англии имелось в избытке и по самой низкой цене, здесь катастрофически не хватало. Фипсы должны были увеличивать их число сами. Владельцы табачных плантаций на юге использовали труд рабов из Африки для возделывания своих полей. Но рабы стоили денег, а наличные были в дефиците. Дальше к северу высокая стоимость рабочей силы спасала бедных и умеряла аппетиты преуспевавших. Джон Уинтроп – первый губернатор Массачусетса описал разговор, произошедший, как говорят, в 1630-е годы между неким Хоули и его батраком.

«Хозяин, вынужденный продать пару быков, чтобы выплатить своему батраку жалованье, сказал тому, что больше нанимать его не будет, так как не знает, чем расплатиться за труд в следующем году. Батрак ответил, что может и дальше на него работать за несколько голов скота.

– Но как я сделаю это, – ответил хозяин, – если я уже все продал?

Батрак ответил:

– Тогда ты можешь работать на меня и снова накопишь на свой скот».

В Старом Свете так никто не разговаривал.

УИНТРОП. Хоули и батрак прибыли из Англии, равно как скот и фураж для него, лезвия топоров, которыми вырубали лес, и гвозди, которыми сколачивали дома. В 1620 году табачные плантаторы покупали себе даже английских жен – «молодых и непорочных девушек», как гласили рекламные афиши, – за сто фунтов доброго табачного листа. В следующем году жена тянула на сто пятьдесят фунтов: цены на табак упали.

Но цены на строительный лес, природное сокровище Северной Америки, держались. Именно неисчерпаемые леса, а не золото были основой скромного достатка колонистов: прямые, податливые бревна без изъяна, добытые в лесах, тысячелетиями не тронутых человеком. В «самой лучшей на свете стране для бедняка», по словам Уильяма Аллена, в которой нищие могли жить как родовитые на их бывшей родине, размах перекрытий сараев и домов достигал сорока футов, а то и больше. «Во всей Европе не кладут таких больших каминов, как в Новой Англии. – писал один памфлетист в 1630-е годы. – Бедный батрак, то есть, по нынешним меркам, владелец 50 акров земли, может позволить себе спустить больше дров на отопление, чем многие благородные в Англии». Корабельная партия строевого леса стоимостью в 300 фунтов стерлингов могла быть продана в Южной Европе за 1600 фунтов.¹⁴ Поэтому лесопилки поднимались все выше по рекам. К 1665 году на реке Пискатаква работало больше двадцати лесопилок, и производительность каждой в двадцать раз превышала итог работы двух пильщиков, позволяя распускать на доски четырнадцать массивных сосен за день.

Удары стальных топоров и визг пил задавали ритм белой американской цивилизации. Вплоть до появления синих джинсов и заказа товаров по почте, до дня, когда перепись

¹⁴ См.: Perlin, John. A Forest Journey: The Role of Wood in the Development of Civilization. New York, 1989.

сообщила, что *фронтир*¹⁵ окончательно исчез, поколения переселенцев совершали древний обряд подпиливания и рубки, а потом засеивания расчищенных пространств. Кукуруза бурно разрасталась на перегное из старых листьев. Окрестный лес обеспечивал кормом полудиких свиней. Ошкуренные бревна распускались на брусья, из которых строили заборы и возводили хижины. То, что нельзя было пустить в дело, сжигали на полях ради золы для удобрений. Колка дров долгие годы составляла суть американской жизни, и даже в XIX веке американцы называли десятидолларовую купюру, отмеченную большой римской цифрой X, «пильными козлами».

По мере того как топор вгрызался в кромку леса, в его сердце прокрадывались деньги – безмолвные, словно охотники-индейцы. Деньги преобразовали жизнь леса, оценивали и обесценивали его, готовили к появлению ферм белых людей.

Деньги пришли вместе с торговлей пушниной и нефтяным бизнесом семнадцатого столетия. Потребность в теплой одежде жителей Северной Европы стимулировала спрос, вовлекший одновременно Россию и Америку в орбиту Европы. В этом процессе участвовала и семья Фипсов. Юный Уильям Фипс «в детстве провел немало утомительных дней за охотой и рыбной ловлей» ради бобровых и лосиных шкур, меха выдры и даже медвежьих шкур. Однако в одиночку белые звероловы не могли покрыть спрос: некоторое представление о его масштабах дают десять тысяч бобровых шкурок, которые Коннектикут ежегодно отправлял в Европу. Поселенцы продавали индейцам ружья и изобрели деньги. Индейцы поддались соблазну, невыгодность и гибельность которого не могли предвидеть, впрягшись в торговую цепочку, тянувшуюся из лесных чащоб до самой Пикадилли.

С американского конца эта цепь была сделана из небольших раковин, нанизанных на нить непонимания. Каждое лето на протяжении сотен, а может и тысяч, лет индейцы собирали эти раковины на песчаных отмелях Новой Англии, от Лонг-Айленда до Род-Айленда. С наступлением праздных зимних месяцев они использовали каменные сверла, чтобы сделать так называемый вампум: белый – из колумнеллы и внутренних завитков раковин береговых улиток, черный – из колумнеллы раковин обыкновенных двустворчатых моллюсков, или венусов. Индейцы энергично полировали цилиндры длиной в четверть дюйма на гладком щебне и плотно нанизывали их на веревки или сухожилия животных, получались связки по 360 бусинок, которые колонисты называли *фатомом*¹⁶.

Современные экономисты называли бы вампум примитивными деньгами: возможно, потому, что такими деньгами экономисты не управляют. Колонисты рассматривали его так же и, значит, могли заставить работать еще лучше. Они устанавливали курс обмена вам пума в шиллингах и пенсах, в соответствии с мехом, который приобретали, и заимствовали то, что принимали за индейскую систему расчета, согласно которой один черный вампум стоил шесть белых. С точки зрения индейцев, вампум не являлся примитивными деньгами: он вообще не был деньгами, а для его изготовления требовалась большая сноровка. Вампум имел значительную ценность в обществе аборигенов, но не потому, что в обмен на него можно было что-то купить или продать. Сплетенный в узорчатые пояса, вампум был свидетельством целого ряда обменов. Голландские и английские колонисты инстинктивно считали количество раковин в поясе, а индейцы придавали значение рисунку и тому, каким материал был на ощупь, а также самому их наличию. Ведь пояса давались и принимались в ходе церемоний, отмечавших дипломатические соглашения, вампум был знаком доблести или свидетельством высокого статуса. Узор по сути представлял собой мнемоническое письмо, напоминавшее о прежних соглашениях или схватках. По поясам племени старейшины рас-

¹⁵ Фронтир (англ. frontier – граница, рубеж) – зона освоения американского Дикого Запада, которая постепенно смещалась на запад, вплоть до Тихоокеанского побережья. Бюро переписи населения США определяло фронтир как границу, за которой плотность населения была менее двух человек на квадратную милю (прим. пер.).

¹⁶ Один фатом, или морская сажень, равнялся 6 футам = 2 ярдам = 1,829 м (прим. пер.).

сказывали его историю. Могущественные вожди забирали их с собой в могилу. Утрата вампума наносила удар по идентичности племени.

Живших на побережье индейцев принуждали подносить вампум в качестве дани более могущественным соседям: вот тогда он походил на деньги. А потом появились белые поселенцы. В 1644 году они «оштрафовали» наррангасеттов на две тысячи фатомов вампума, выплачиваемых в рассрочку ежегодно: по фатому с каждого взрослого пекота, по половине фатома – с юноши и по ладони¹⁷ – с каждого ребенка в племени. Производство должно было резко вырасти, поэтому береговые отмели стали аренной ссор и стычек. Тем временем белые отсылали вампумы в леса, где обменивали раковины на меха, хотя цена поясов незаметно, но неумолимо понижалась.

Лондонские леди тех времен (как и теперь) не жили в гармонии с лесом за три тысячи миль по ту сторону океана. Результатом стало истребление живой природы. Племена слишком поздно спохватились, что охотятся в опустевшем лесу. Двадцать тысяч лет назад их предки за невероятно короткий срок истребили неуклюжих гигантов Северной Америки.

Теперь олени и бобры, волки и еноты последовали за гигантскими ленивцами, мамонтами и мастодонтами. В поисках свежей дичи индейцы стали мигрировать на запад, вторгаясь на территорию других племен.

Пока традиционный уклад жизни индейского общества и экология лесов рушились, колонисты открыли, что и сами могут использовать вампум в качестве валюты, таким образом, индейцы, сами того не желая, оказались в роли центрального банка страны, с охотой выкупая вампумы в обмен на мех. Однако мало-помалу они выходили из этой игры. Жадные колонисты использовали более производительные стальные дрели, избыток подрывал стоимость вампума. Англичане обвиняли в мошенничестве голландцев, те и другие возлагали вину на аборигенов. Один фатом вампума, по общему уговору, приравнивался к длине руки, и голландцы жаловались, что индейцы отправляют принимать платежи самых высоких мужчин, а выплачивать – почти гномов.

Индейцы с легкостью выявляли подделки, и все вампумы, сделанные из «камней, кости, стекла, мидий, рога и даже дерева и битых бус», возвращались в карманы белых людей, тогда как «качественный, блестящий вампум, в просторечии манхэттенский», исчезал в лесу. В 1648 году Верховный суд Коннектикута постановил, что вампум больше «не уплачивают и не принимают к оплате, иначе как сплетенным надлежащим образом, то есть не слишком большим и не слишком маленьким и не составленным некрасиво или в беспорядке, как бывало прежде». За сорок лет колонисты огнем и мечом проложили свой путь к местной валюте. В 1649 году Массачусетс прекратил ее использование, хотя, по всей видимости, она просуществовала в качестве денег среди белых за пределами Нью-Йорка вплоть до 1701 года. Для оформления договоров с индейцами вампум использовали до самого XIX века, что служило ярким примером его преимущественно ритуального, немонетарного значения. В последний раз обмен вампумом произошел в Прери-дю-Шьен в 1825 году, когда тысяча предводителей племен собралась выслушать ультиматум белого человека – сцена, прекрасным образом запечатленная двадцать лет спустя на пяти-, десяти-, двадцати- и пятидесятидолларовых банкнотах банка штата Висконсин.

УИЛЬЯМ ФИПС. сильный, хорошо сложенный и абсолютно неграмотный в свои восемнадцать, обратил взор к морю – в том месте, где река Кеннебек впадала в широкий поток англо-американской империи. Он работал подмастерьем на местной верфи, а в 1673 году пешком отправился в Бостон, на верфь покрупнее, чтобы устроиться корабельным плотником. Эта отрасль процветала: первый американский корабль спустили на воду в 1631 году,

¹⁷ Мера длины, обычно равная четырем дюймам – приблизительно 10,16 см (прим пер.).

и уже к концу века каждое третье британское судно строили в Америке. Страна была мечтой для любого агента по корабельному снаряжению, огромным складом мачт и рангоута, дегтя и канатов.

«По *внешности* своей он был *высок*, выше большинства прочих мужчин, *широк* также, как *высок*, и *силен* так же, как *широк*: он был во всех отношениях *недюжинным* и мог одолеть такие тяготы *пути* и *голода*, которые убили бы большинство прочих». Уильям Фипс сошелся с молодой вдовой Мэри Спенсер Гулль, добился расположения ее отца – капитана судна и земельного спекулянта. Оба Гулля с готовностью поверили обещанию молодого человека, что однажды он возглавит один из кораблей флота его величества и станет так богат, что построит для своей жены прекрасный кирпичный дом на Грин-Лейн.

Фипс начал с того, что заключил соглашения с несколькими купцами из Бостона о постройке корабля на семейной ферме, который предстояло поставить вместе с грузом (вероятно, строевым лесом и провиантом). Но отношения с вабанаки ухудшались. 14 августа 1676 года близлежащее поселение разорили внезапно налетевшие индейцы, около пятидесяти поселенцев убили. Корабль Фипса был спущен на воду, но его груз еще ждал на берегу, когда с противоположной стороны залива потянуло дымом. Молодой человек не терял ни минуты: оставив ферму и строевой лес поджигателям-вабанаки, он погрузил на корабль семью, соседей и умчался в безопасный Бостон.

может, в Бостоне жить было безопаснее, но город тогда тоже был разорен. Местные купцы, как и повсюду, не могли достать денег – звонкую монету, вращавшую колеса заграничной торговли. Чтобы накопить свое серебро, почти все колонии рано или поздно устанавливали замену для внутренних расчетов. На какое-то время вампум стал «законными деньгами», подходящими для выплаты долгов и налогов; за ним последовали бобы, ром, гвозди и пшеница. Один поклонник называл их «твердой валютой».

Сноровка в замене валюты стала второй натурой людей, постоянно имевших дело с новшествами, но концепт «законных денег» превратился в бикфордов шнур, заложенный под древнее право королей регулировать денежное обращение, скромную, но значимую декларацию о намерениях колониальной Америки. То, что началось как уловка, мало-помалу сформировало альтернативный опыт, пока над отношениями Британии с ее колониями не начали сгущаться тучи взаимного раздражения.

Поиск звонкой монеты продолжался: золото и серебро имели очевидные преимущества в качестве денег, как обнаружил судебный пристав в Спрингфилде, чей ялик опрокинулся, утопив налоговые поступления за год, уплаченные сушеными бобами. В Виргинии, где законной валютой являлись гвозди, властям пришлось вмешаться, так как люди ради денег принялись сжигать собственные амбары.

Поскольку серебро в Северной Америке нельзя было найти или добыть из шахт, его приходилось накапливать манипуляциями и предприимчивостью.¹⁸ Колонии вывешивали курсы обмена серебряной монеты, где она сильно переоценивалась. В Англии каждый мог получить за свой испанский доллар четыре шиллинга и шесть пенсов – курс, высчитанный для серебра не кем иным, как Исааком Ньютоном в 1717 году. Однако колонии были готовы предложить особые условия – пять шиллингов в деньгах Виргинии, шесть – в Массачусетсе. Несмотря на выпадавший время от времени неожиданный куш, от такой политики у торговцев кругом шла голова: курсы валют менялись год от года и в зависимости от монеты в про-

¹⁸ Алхимия по-прежнему открывала новые возможности. Интерес к ботанике, химии, металлургии, астрономии и медицине побудил прежнего губернатора Массачусетса Джона Уинтропа-младшего стать первым американским членом-корреспондентом Королевского общества – главной научной ассоциации Британии. Он продавал тайное медицинское снадобье под названием «рубилла» и имел обыкновение отправляться на одну из гор Массачусетса, Говернор-Ринг, чтобы провести «три недели в лесах <...> раскаливая руду, выплавляя металлы и отливая золотые кольца» (прим. автора).

цессе борьбы колоний за наличные деньги: серебро там подчинялось странным приливам и отливам. В один прекрасный день вся испанская монета в Массачусетсе могла наострить уши и двинуться на юг, подобно перелетным птицам, чтобы перезимовать в Виргинии. Иной раз все голландские доллары на континенте внезапно вымирали, словно зомби, и возвращались в свои нью-йоркские гнездовья. Это раздражало не только купцов. В 1679 году губернатор Виргинии приступил к накоплению песо, стоимость которых официально держалась на уровне пяти шиллингов. Когда нехватка денег стала ощутимой, он произвольно установил их стоимость в шесть шиллингов за песо и расплатился по такому курсу со своими войсками.

Купцы Нью-Йорка хотели, чтобы вся иностранная монета шла в переплавку и переплавлялась в английские шиллинги, но англичане предпочли более дешевый путь и издали королевскую прокламацию, запретившую кому-либо предлагать за испанский доллар больше шести шиллингов. Как большинство британских законодательных актов в отношении колоний, прокламация оказалась нежеланной и неэффективной.

Серебряные монеты, перетекавшие туда-сюда через американские порты и плантации, были невероятно разномастными. Их привозили люди вроде Уильяма Фипса, который, женившись и преуспев в командовании кораблем, присоединился к карусели торговли мате-риковых колоний с Карибами. Сахар был так выгоден в Вест-Индии, что плантаторы распа-хивали под сахарный тростник каждый акр земли, и все следующее столетие жители Новой Англии кормили Вест-Индские острова подобно кораблям в море, поставляя бочки соленый свинины и говядины, сушеную перемолотую рыбу для рабов, засоленную рыбу, высушен-ный лес, мед, лошадей и цыплят в обмен на местную патоку и пиастры. Большая часть этой монеты или ее тень – выписанные в Лондоне векселя – уходила на приобретение английских мотыг и топоров, еще, вероятно, юбок и книг.

В массе своей колонисты были чопорными провинциальными ханжами в грубой одежде и со сдержанными манерами, аскетичным домашним бытом и кругом чтения в пре-делах Библии короля Якова. Они лепились к берегу, как моллюски, и не стыдились про-цеживать грязь пиратства ради испанского серебра. Эти люди могли построить корабли, натянуть такелаж и снабдить команду ромом, не задавая лишних вопросов. В 1646 году счастливый шторм занес промышлявшего морским разбоем капитана Кромвеля в Плимут с грузом испанского серебра и экипажем из восьмидесяти человек, «столь истосковавшихся по выпивке, что они стали подобны безумцам». Всем было все равно. Жизнь в городе оста-новилась. «Моряки истратили и расточили среди жителей огромную сумму денег».

Полновесные, блестящие монеты редко задерживались в колониях, прежде чем пройти по кругу и окольными путями атлантической торговли отправиться назад: в затерянной на краю земли и забытой Богом Америке оставались лишь отбросы монетных дворов мира. Даже испанские доллары, которыми пользовались ее жители, здесь теряли около четверти своего веса. Многие деньги были очень старыми, истертыми на протяжении долгих лет хо-ждения у бесчисленных владельцев, с едва различимыми надписями. Новые же в местном кли-мате увядали очень быстро, и это никого особо не беспокоило. Крепкие руки могли разло-мать испанский доллар пополам, выскоблить его серебряные внутренности и соединить две половинки каплей свинца или ртути. Монеты кромсали, сжимали, просверливали и наби-вали. «Пропотевшие», они часами тряслись в мешке, а вес, который терялся по ходу, накап-ливался в швах. С ободка монет могли снимать стружку. «Мне горько говорить об этом, – писал в 1699 году из Нью-Йорка граф Белломонт, – но это святая правда: англичане здесь столь беспутны, что я не отыскал ни единого заслуживающего доверия человека, с которым можно было бы иметь дело. Я был вынужден нанять в качестве секретаря собрания на эту сессию одного малого, которого давеча осудили в этом городе за порчу монеты».

Но даже такие монеты имели определенный флер, подобно толпе второсортных европейских венценосных особ сомнительного происхождения, что отправили все эти деньги прозябать в Америку. Сюда доходили исключительно монеты королевских дворов – их ценность то падала, то взмывала вслед за завоеваниями и союзами; их титулы читались подобно Готскому альманаху в Руританской империи мировой торговли, а генеалогические древа вновь и вновь пересекались в кровосмесительных связях прошлого. Здесь были *реалы* и *кроны*, *дукаты* и *дукатуны*. Небольшие *султаны*, взятые из оборота в арабской Северной Африке, известные колонистам под именем берберских дукатов. Приплывали *муидоры* и *пистарины*, изредка встречались мелкие серебряные османские *цехины* или *чекены* с изящным полумесяцем на реверсе. Громадные немецкие серебряные каролины с толстым королем в парике на аверсе. Из крошечного Ливорно пробивались *пеццо*, *скудо* – с острова Мальта в Средиземноморье. *Флорины* приходили из Южной Германии, денежные суммы из Китая в *нагодах*, по странному стечению обстоятельств – из Мадраса. Были в ходу английские *гинеи* французские и испанские *пистолы* а также голландские *гульдены*. Большой популярностью пользовались португальские *жозао* и монеты в половину *жозао*, двоюродные братья всех *реалов* Испании и те же испанские доллары, которые процветали со времен графа Шлика и теперь, равно как их повелители Габсбурги, приспособились к особым условиям империи: мексиканский доллар с изображением Геркулесовых столпов и девизом «дальше предела»: центрально-европейский талер: севильский доллар, доллар с лебедем, доллар с шаром и голландский доллар с собакой, которую прочили во львы.

Даже с этим ворохом лоскутов сомнительного достоинства наличности всегда не хватало. Американцы страдали от хронического недостатка мелких разменных денег, а большинство монет были крупноваты. В каком-нибудь захудалом американском салуне благородный муидор или чекен мог претерпеть последнее унижение в виде разрубания на куски. Этот сорт разменной монеты, по форме напоминавшей треугольный кусок сыра, был известен под метким прозвищем «острые деньги». Например, целый испанский серебряный доллар разрубали на два полудоллара, четыре четвертинки или восемь осьмушек, будто куски пирога, – привычка так прочно укоренившаяся в американской культуре, что даже теперь во вроде бы десятичной денежной системе США нет двадцатицентовых монет. Лишь 25-центовый четвертак, который многие американцы упорно называют «два куска», а некоторые местные фондовые биржи в 1998 году продолжали объявлять цены в «такой-то восьмой» доллара.

Фипс был из тех американцев, которые сами обеспечивали себе достаток и постоянно отправлялись добывать новый. Он вырос на рассказах о море. На верфях моряки говорили о галеонах и кораблях с сокровищами. пиратском золоте и перуанском серебре, а молодой человек их внимательно слушал. В порту на Карибских островах он наострил уши: его заинтересовала история «Нуэстры Сеньоры».

Уильям Фипс мечтал о чуде внезапного богатства. Много лет спустя, в 1809 году, путешественник в Новой Англии обнаружил, «что поселенцы питают неистребимую надежду отыскать в земле клад. Предполагается, что деньги закопаны пиратами: но место их погребения, как они надеются, явится им лишь во сне. Когда грезы обнаружат хоть какие-то общие сведения о месте, то местные прибегают к лозе рудоискателей, затем втыкают в землю лопату или кайло и начинают творить разные ритуалы и заклинания, призванные обмануть бдительность духов, охраняющих сокровище». Духи сами по себе – важный штрих, напоминание о том, что за каждое свалившееся с неба богатство нужно платить. Иногда сокровища действительно находили на подмытых рекой берегах и отдаленных островах, под песками и в местах, отмеченных на карте крестиком. Герман Мелвилл и Натаниэль Готорн, Марк Твен и Эдгар Аллан По – все они сочиняли рассказы, придававшие зарытым сокровищам статус

американского сюжета. Ощущение одиночества сглаживалось историей, которая могла привязать легенду-другую к безжизненному пейзажу. Вероятно, мысль о том, что ранее его путь был пройден губернаторами и королями, пиратами и конкистадорами со всеми их муидорами, дукатами, долларами и дублонами, служила сиротливому американцу утешением.

Правда, несмотря на полученную информацию, Фипс обнаружил, что Бостон не так-то просто соблазнить охотой за сокровищами. Поэтому он снарядил собственный корабль в Лондон, где решил добиться аудиенции у короля Карла II. Великосветские отмели и рифы требовали тщательного промеривания. На завязывание нужных контактов у Фипса ушел год, но он принялся за дело с такой самоуверенностью, что даже продал свой корабль ради приобретения парика, нарядов и подобающих развлечений. Его решимость была вознаграждена. Карл II, по натуре авантюрист, постоянно испытывавший денежные затруднения и охочий до смелых, рискованных предприятий, питал слабость к Массачусетсу: в 1652 году, в период междуцарствия, последовавший за казнью его отца, Карла I, и собственным воцарением, Массачусетс уполномочил Джона Гулля – местного золотых дел мастера переплавить неполноценную монету и отчеканить свои серебряные шиллинги, шести- и трехпенсовики, украшенные изображениями сосны, ивы и дуба. Чеканка монеты являлась королевской прерогативой, но ситуация была неопределенной. По контракту Гулля получал шиллинг с каждого фунта, и несмотря на все запоздалые усилия местного собрания изменить условия, мастер стал одним из богатейших жителей колонии, современники еще долго помнили приданое, назначенное им своей дочери: массу серебряных шиллингов, равных ее собственному весу. Девушка была невысокой, но очень толстой. «Да, можешь взять ее в жены, – сказал Гулля кавалеру дочери. – И ты сочтешь ее весьма тяжелой ношей».

Когда Карл II заполучил трон, ему посоветовали положить конец чеканке этой монеты. Однако, памятуя о том, как ему однажды удалось скрыться от верных Кромвелю преследователей, спрятавшись в листьях старого дуба, он воспринял шиллинг с дубом Гулля как комплимент и назвал жителей Массачусетса «сворой верных псов». (Когда король все-таки вмешался, колонисты проставили на своих монетах более раннюю дату, чтобы те выглядели отчеканенными до запрета.) Теперь Карл II согласился стать деловым партнером скромного бостонского ремесленника, и Фипс отплыл домой капитаном корабля его величества – в точности как обещал своей ненаглядной. Он управлял фрегатом «Роза Алжира», недавно захваченным у берберских пиратов.

Фипс немедленно потребовал, чтобы торговые и рыболовецкие суденышки в Бостоне приспускали перед ним флаг, как если бы они находились перед кораблем королевского флота. В ответ на отказ подчиниться он палил перед их носом, а затем брал на бордаж и штрафовал на стоимость пороха и ядер. Несколько дней спустя Фипс попытался употребить свою военно-морскую мощь, дабы произвести впечатление на плотника с другого корабля. Завязалась потасовка на причале, и Фипс ринулся предупредить местных стражей правопорядка, что власть губернатора на это дело не распространяется. В самом деле, как выразился один из членов команды, «губернатор и правительство здесь не стоят и гроша».

Губернатор проигнорировал инцидент, едко напомнив молодому человеку, что «все в Бостоне отлично знают, кто он такой и откуда явился, поэтому не хотят, чтобы он вел себя столь высокомерно среди своих соотечественников». Фипс продолжил пальбу.

Бостон искренне обрадовался, когда 19 января 1684 года корабль вместе с надоедливый капитаном и командой взял курс на Багамы. Фипс захватил с собой трех молодых ныряльщиков-индейцев из родного города. На своих каноэ они отправились туда, где зажатое между островами море смертоносно вспенивалось вокруг коралловых рифов, и принялись обыскивать один риф за другим в поисках характерных очертаний затонувшего судна среди коралловых зарослей. Во время поисков погибших кораблей можно было очень легко разделить их судьбу. По мере того как новые обломки оказывались пустыми, в команде все больше

зрело недовольство, моряки требовали, чтобы капитан стал пиратом и повел их на добычу средств пропитания. Фипс подавил первый бунт, кулаками посбивав с ног его зачинщиков, но месяцы безделья и неудач брали свое. Наконец капитан распустил команду на Ямайке, где желающие могли найти себя в «восхитительном ремесле» грабежа и разбоя. На борт поднялась новая команда, все без исключения – пираты, однако Фипс знал, что может положиться на их покорность в течение нескольких месяцев. И сам разжился определенным уловом: «благодаря ловкости своего обхождения он выудил из очень старого испанца (или португальца) совет о подлинном местонахождении тех обломков, которые он все это время искал столь же бесплодно, как алхимики – свой философский камень».

Почти два года спустя после того, как Фипс получил у короля «Розу Алжира», он вернулся на ней в Англию с пустыми руками. Карл II был мертв, а его ненадежный брат Яков II не питал интереса к заморским авантюрам. Однако Фипс чуял, что подобрался совсем близко к сокровищам, и через год нашел новых кредиторов, выделивших ему два небольших корабля. Он снова «направился к району промысла, столь хорошо *прикормленному* полсотни лет назад». Если бы сокровища не удалось отыскать, корабли окупили бы свое плавание в Англию грузом сахара и товаров.

Нырляшки неделями трудились в своих каноэ на рифах, прежде чем один из них заметил нечто вроде деревянного бруса, торчавшего из кораллов. Он «немедленно погрузился в воду и отыскал под скалой, на которой росло множество кораллов, пару покрытых эмалью серебряных стремян, управившись с которыми, он обнаружил огромное количество пиастров, которые моряки поднимали тысячами, монеты слиплись между собой, поскольку морская вода растворила часть сплава меди с серебром и превратила его в патину. Сверху на них было нечто вроде окаменелости, доходящей толщиной до половины дюйма», – писал сэр Ганс Слоэн, натуралист, способствовавший основанию Британского музея и отправившийся с Фипсом в его третье плавание год спустя.

В конце 1688 года Фипс вернулся в Лондон и привез с собой 37 538 фунтов серебряных монет – все достоинством в восемь реалов; 25 фунтов золота и 2755 фунтов серебряных слитков общей стоимостью около 14 млн долларов (в нынешних деньгах). Яков II присвоил себе 10 % и возвел нового друга в рыцарское достоинство. Все воодушевились. Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо», восхвалял Фипса за то, что тот дал толчок «духу предприимчивости», которым оживил современный писателю Лондон и «который едва ли направлял чьи-либо руки до той поры, как путешествие к обломкам, столь счастливо осуществленное капитаном Фипсом, не заняло столь великое множество голов мыслью затеять что-нибудь и самим». Внезапный наплыв серебра стимулировал нарождавшийся фондовый рынок. Из-за растущего числа акционерных обществ торговля акциями шла все живее, а созданный в 1694 году Банк Англии навсегда изменил финансовую судьбу страны.

Скрупулезно расплатившись с кредиторами, прибыль которых от вложенных средств составила 7000 % (герцог Олбермарлский был охвачен таким ажиотажем, что его как-то застали в собственном саду, когда он «собственноручно переплавлял свою долю серебра»), сэр Уильям Фипс, обнаружив еще пару затонувших кораблей, вернулся в Бостон очень богатым человеком и собственными руками выстроил кирпичный дом на Грин-Лейн для жены. Он был подобен царю Мидасу, одним прикосновением обращая все в золото. И, вероятно, никого не удивило его назначение первым королевским губернатором Массачусетса.

это типично американская история, ставшая прообразом для многих историй успеха в последующие столетия. Низкое происхождение, счастливый случай, способность разглядеть свой шанс и поверить в него вплоть до полного разорения – это практически клише в судьбе многих великих американских изобретателей, моряков и провидцев. Фипс тоже заплатил свою цену за свалившееся на него богатство. В 1690 году из-за дерзких выходок франко-

канадских каперов и жалоб бостонских купцов он задумал преподать пиратам урок и осадил Порт-Ройал – враждебный аванпост французской Акадии к северу от Бостона. Удивленная сдачей Акадии без боя, его милиция за двенадцать дней подчистую разграбила полуостров, тогда как Фипс отобрал у французского губернатора все, что смог увезти, посадил марионеточное правительство и триумфально вернулся в Бостон, правда, теперь он видел во французах угрозу и замыслил навсегда изгнать их из Канады.

Его план предусматривал выступление сухопутных войск из Олбани, захват Монреаля и победоносное шествие вдоль реки Святого Лаврентия, чтобы поддержать удар по Квебеку с моря. Время решало все. Солдаты выступили в поход. Затем отплыл бостонский флот, снаряженный артиллерией и большим десантом из тех, кого привлекла удача и стиль Фипса, равно как и мысль о добыче в Квебеке: две с половиной тысячи буйных ополченцев набились на тридцать утлых и перегруженных посудин. Непогода, неблагоприятные ветра и неудачные попытки найти лоцмана, который довел бы флотилию до реки, привели их на равнины под Квебеком поздней осенью, когда вода на холоде уже покрывалась льдом.

Фипс не мог этого знать, но нападение на Монреаль уже потерпело поражение. Он потерял все преимущества внезапности, а французы успели укрепиться. Однако от губернатора Квебека графа Фронтеньяка и де Паллау Фипс потребовал немедленной сдачи. Ответный выпад французов был удачным: «У меня нет другого ответа для вас, генерал, кроме того, что дадут мои пушки и ружья». Пушки Фипса заговорили первыми, ожесточенно обстреливая город на протяжении двух дней, но, когда он устроил импровизированную атаку с суши, установленные на берегу батареи оказались вне зоны поражения. Огонь же французов цели достиг: корабли получили повреждения, а людские потери составили тридцать человек убитыми. В конце концов у Фипса закончились боеприпасы.

Измученный и удрученный нежеланием противника сдаваться, Фипс неохотно отдал приказ плыть домой. Удача покинула его вместе с отливом: по пути вниз по реке Святого Лаврентия на бостонцев налетел ужасный шторм, и четыре корабля затонули: остальные суда разбросало далеко друг от друга. Весь путь назад до Массачусетса им пришлось пробиваться сквозь встречный ветер и беспокойное море. Несколько уцелевших оборванцев приползли в Дорчестер с пустыми руками. Все, что они привезли с собой, – невидимый вирус оспы, быстро распространившийся и убивший пятьдесят семь жителей города. Бостон оказался обманут в своих ожиданиях. «Часть кораблей пришла, потеряв половину экипажа, часть – и того больше, некоторые – почти всех. Немало жалуются на то, что не было проявлено надлежащего тщания, не запасено провианта для такой армии, что были и такие, кому крысы съели глаза и щеки, прежде чем несчастных нашли»¹⁹.

Дальше – больше: появились толпы уцелевших и обозленных участников кампании и причитавших вдов, которые требовали жалованья и компенсаций. Ведь в Квебеке не удалось ничем поживиться – казна колонии была пуста.

ТАКОГО рода неприятности случались постоянно, и нет сомнений, что у Фипса нашлись друзья, которые похлопали его по плечу и пожелали более удачной охоты в следующий раз. История превратила его неудачный набег на Квебек в почти всеми забытую сагу о войне короля Вильгельма – одну из небольших войн чужими руками, которые на протяжении наступающего века Англия и Франция вели друг против друга за полмира от дома. Другие варианты этой войны велись на море, на суше и руками индейских союзников, но ни одна из сторон не располагала возможностью нанести решающий удар. Пока, штурмуя высоты

¹⁹ Недавно часть потопленного флота сэра Уильяма Фипса исследовали с тщательностью, которую он, вероятно, с профессиональной точки зрения, считал бы непонятной: ведь в обломках не было ничего, кроме сгнившего дерева, мушкетов и столовых приборов (*прим. автора*).

Абрахама, в 1759 году не погиб Вольф, и вся французская Канада не была присоединена к Британской империи.

Репутация самого сэра Уильяма Фипса – равно как и его душевное равновесие – оказалась подпорчена разгромом. Когда он сломал свою трость о голову капитана королевского флота и бросился на служащего бостонского порта, люди пришли в негодование. Скоро цепь его успехов распалась, ее заменили вериги позора. Люди вспомнили о худородном происхождении Фипса, обвинили его верную жену в колдовстве и иронизировали по поводу бескровной победы в Акадии. Враждебная фракция резонеров в собрании обязала сэра Уильяма вернуть бывшему губернатору Порт-Ройала все добро, которое он там нагребил. Дурные вести распространяются быстро. Далекие друзья при дворе начали покидать Фипса, и его вызвали в Англию для дачи объяснений. В Лондоне он внезапно скончался в 1695 году.

Уильям Фипс похоронен в небольшой церкви Сент-Мэри-Вулнот в Сити и унес с собой, видимо, последнюю тайну – местоположение погибшего на рифах Эспаньолы около 1500 года легендарного корабля с сокровищами донна Франсиско де Бобадильи, перечень которых довершал стол из чистого золота. Родилась легенда, что детали каким-то образом были зашифрованы на могиле Фипса, но сам надгробный камень исчез.

Натаниэль Готорн позднее набросал очерк о жизни сэра Уильяма Фипса, поскольку, как он выразился, людям недостает человеческого в именах, запечатленных в учебниках. Этот очерк является жемчужиной, погребенной в собрании сочинений автора. Охотники за сокровищами считают Фипса своим святым покровителем и по достоинству ценят его схватки с соперниками, бюрократами, опасностью и морем, а также его непреклонную приверженность цели, принесшую ему славу, богатство и бесчестье. Америка же в конечном счете больше обязана провалам Фипса, чем его успехам.

Столкнувшись с народным возмущением, ассамблея Массачусетса в Бостоне всерьез озабочилось мыслью о том, как расплатиться с солдатами и вдовами. Ее первым побуждением было получить ссуду у бостонских купцов, но те вежливо уклонились, поскольку теперь сами нуждались в деньгах. Тогда бостонцы ухватились за свежую идею, витавшую в воздухе и, казалось, дававшую ответ на их молитвы.

Это была лишь идея, и воплотить ее в реальности оказалось не так легко. Возможно, отправная точка находилась во французской Канаде, где лишенный денег гарнизон решил использовать игральные карты в качестве рудиментарной валюты, которая подлежала обмену на звонкую монету после возобновления снабжения. В 1650 году в Лондоне появился анонимный памфлет «Ключ к богатству, или Новый способ оживления торговли: законный, простой, надежный и действенный». Марко Поло познакомился с бумажными деньгами в Китае за три столетия до этого, но памфлетиста, вероятно, вдохновил опыт лондонских ювелиров, которые часто хранили ценности других людей в своих надежных комнатах-сейфах. Расписки, которые они выдавали в обмен на камни и металлы, иногда использовались в качестве своего рода бумажных денег: вместо того чтобы извлекать из хранилища серебро со всеми сопутствующими рисками, купцам было достаточно передать друг другу расписку от надежного ювелира. В результате некоторые ювелиры осознали первый принцип банковского дела: можно выдавать расписки на сумму, превышавшую наличествующее серебро. Люди предпочитали получить бумагу от надежного серебряника, чем перевозить золото или серебро, рискуя стать жертвой нападения и кражи. В тех редких случаях, когда кто-либо приходил забрать свое серебро, ювелир все возвращал: дело было устроено так, что в конце концов драгоценности с высокой долей вероятности все равно возвращались к нему из сообщений безопасности. Конечно, если бы разом пришли все, он оказался бы разорен, но такое происходило редко.

В 1691 году, за три года до основания Банка Англии и появления первой пятифунтовой банкноты, далекий Массачусетс стал первым государством со времен средневекового

Китая, выпустившим собственные бумажные деньги. «Мы нашли способ положить конец толкам и усмирить недовольство солдат и моряков новой денежной эмиссией в виде бумажных денег», – писал один критик, тогда как Генеральный совет Массачусетса, прежде чем выпустить «кредитные билеты» на общую сумму в 7000 фунтов стерлингов, более высокомерно ссылаясь на «нынешнюю бедность и беспорядок в этой стране и проистекающую из нехватки денег неразвитость торговли». Деньги отпечатали на хорошей бумаге с медных матриц. На наш взгляд они кажутся перевернутыми набок: пять дюймов в высоту и четыре дюйма в длину. Скорее портрет, нежели пейзаж: изящные завитки двойной линии наверху и никаких украшений, кроме герба колонии. Каждая банкнота имела текст, заверенный одной или двумя подписями внизу. Они выглядели как небольшой юридический документ или крошечная прокламация.

В действительности купюры можно было рассматривать как своего рода правовое предписание, врученное настоящим будущему. Теперь люди могли взять деньги и расплатиться годы спустя – когда созреет урожай, строевой лес будет сплавлен, а шлюпы вернутся из Вест-Индии с серебром и сахаром. Чем скорее появлялись деньги, тем быстрее местные жители приступали к делу: выращивали зерно, рубили лес или грузили на корабль лошадей и мед.

3. Сад

Ведовство – Монетизированная земля – Постоянно действующее предложение

«Вы избрали честный и добрый способ, – гласило открытое письмо казначею Массачусетса, – оплачивать бондами то, что вы не могли оплатить наличными. Поэтому я не могу не подивиться на неразумность наших соотечественников, отказывающихся принимать то, что они называют бумажными деньгами, равными по стоимости лучшему испанскому серебру».

Анонимный автор был неискренен. Люди оказались лицом к лицу с бумажными деньгами впервые в истории Запада, и не все были готовы совершить концептуальный скачок. Лучшее испанское серебро вы могли попробовать на зубок. Даже вампум что-то весил, и груда денег была грудой. Бумага же ценности не имела: «Говорите что хотите, – ворчал один пожилой пенсильванец, – но бумага – это бумага, а деньги – это деньги». Фраза прозвучала за десять лет до того, как прочие колонии последовали примеру Массачусетса из-за расходов на борьбу с французами или индейцами либо с теми и другими.

Война короля Вильгельма, свою злополучную роль в которой сыграл Фипс, переросла в войну королевы Анны. Из войны за ухо Дженкинса выросла война короля Георга 1745 года; Французская и Индейская войны увенчались захватом Вольфа в Квебеке. В 1760 году французы официально уступили Канаду при Монреале, и создание Британской империи в Северной Америке завершилось. Локальных войн больше не будет, думали британцы, бумажных денег тоже.

Всякий раз, когда колонисты отправлялись на войну, даже если их участие ограничивалось стычками и приграничными рейдами, они сталкивались с непредвиденными расходами и решали эту проблему, печатая бумажные деньги. Иногда британцы присылали серебро, чтобы помочь колонии «выкупить» свои векселя. Иногда векселя изымались из обращения, когда население выплачивало ими налоги. Но часто они задерживались в обращении, год от года становились все более изношенными и сомнительными, покрывались бурыми пятнами забытых обещаний, а их стоимость всегда падала: порой медленно, порой стремительно.

«Что? Неужели слово "бумага" позорно для них? Не разве бонд или переводной вексель в тысячу фунтов – не бумага? И все же не равна ли она по своей ценности серебру или золоту, если выплата по этим бумагам в достаточной мере гарантирована? Так что есть надежность бумажных денег, как не вера в свою страну?»

Анонимного энтузиаста звали Коттон Мэзер – первый доморощенный философ Америки; друг, сосед и биограф сэра Уильяма Фипса – первого доморощенного предпринимателя Америки. Соблазнительно увидеть в них типичную американскую пару, источник напряжения, что всегда присутствует в жизни Америки, постоянно колеблется, вспыхивает и угасает, как старая семейная ссора: напряжения между действием и размышлением, необходимым и идеалом, соперничающими концепциями свободы, жизни и погони за счастьем – и деньгами, как средством платы за него.

Коттон Мэзер происходил из новоанглийской аристократии – Коттон была фамилией его матери. Он родился в 1663 году и вырос под сенью Старой Северной церкви, где служили пасторами его отец и дед. В отличие от Фипса, едва умевшего читать, чья религиозность выражалась лишь в редких визитах в церковь, Мэзер был образован и набожен. Практически первыми его словами были молитвы. К одиннадцати годам он умел выслушать проповедь, прочитанную на английском, и, смеха ради, записать ее на латыни. В двенадцать поступил в Гарвард. В конце концов последовал семейной традиции – стал служить в Старой Северной церкви. Мэзер сочетался счастливым браком, но его жена умерла молодой. Он женился снова и со временем стал отцом пятнадцати детей. Когда умерла и вторая супруга, он женился на

сумасшедшей, которая не принесла ему ничего, кроме долгов и домашней неустроенности – разочарования, отступавшего лишь из-за внимания ангелов, что являлись в его кабинет побеседовать и побороться с Мэзером.

Фипс был решительным, привязанным к морю и охоте за сокровищами колонистом семнадцатого столетия. Основы же мировоззрения Мэзера, умершего в 1728 году, сформировал век пуританского иступления, пусть Мэзер и подходил к ним с позиций XVIII века. Он был членом Королевского научного общества²⁰, поддерживал спорную по тому времени новомодную практику прививок от оспы и писал трактаты по политэкономии. При этом Мэзер верил в ведьм, демонов, ангелов и, как покажут события, в возможность вызвать на суд духов в качестве свидетелей. При поддержке своей первой жены он однажды вызвался приютить у себя местную девушку, одержимую бесами, и позаботился об ее излечении. Этот опыт подготовил его к вспышке ведовства и сатанизма в маленьком городке Салем в Массачусетсе четыре года спустя. Для расследования созвали суд.²¹ Мэзер вел запись слушаний, и его книга «Чудеса потустороннего мира» впоследствии объяснила, как небольшую общину могут держать в страхе потусторонние силы. Он рассказал, что «дьявол, обычно являвшийся в образе маленького черного человека, завлек трусливых, дерзких, несведущих, завистливых и злонамеренных созданий поставить себе на службу, внеся их имена в свою книгу».

Книгу эту, конечно, так и не нашли (она принадлежала дьяволу), но двадцать человек казнили за колдовство. Успели обвинить даже супругу сэра Уильяма Фипса, пока истерия не сошла на нет: простые поселенцы чувствовали, что в поиске пропавших сокровищ, таящихся под землей и под водой, в тайном накоплении богатств есть нечто дьявольское. Образцовый пуританин копил свой достаток упорным трудом на глазах у всей общины. Хотя свою лепту в эту манию внесли истерия на сексуальной почве, коллективный бред, ревность и атмосфера, в которой допускалось клеймить женщин как ведьм, но большую роль в ней сыграло и отсутствие контроля. Четыре из пяти обвиненных женщин были из числа «отселенцев» – так называли тех, кто порвал связи с общиной и отбился за пределы жестких границ прихода.

Хотя от идеи воспроизвести английские деревни с их традиционной зеленой лужайкой и церковью местные жители уже давно отказались, негласные пределы того, как далеко на отшибе может жить член общины, сохранились. Леса позволили первым поселенцам Америки выжить и даже преуспеть, но они оставались самой чуждой чертой Нового Света. Пуритане испытывали мрачное удовлетворение, живописуя «пустыню», в которую оказались заброшены; в этом выражении почтительность смешивалась с ужасом от бескрайности американских лесов. Поселенцы ощущали, что это иной мир, чуждый им и потому опасный. Пилигримы с «Мэйфлауэра», к примеру, получили первый урок через несколько минут после высадки: когда они подгребли к берегу, свидетелями их высадки на песчаном побережье оказалась группа индейцев, которые убежали в лес; два поселенца бросились за ними в погоню. Они были родом из Линкольншира, привычны к безлесью и вдобавок провели несколько лет на плоских польдерах Голландии. Через несколько секунд они застряли в переплетениях зарослей и древесных корней, в которых их «добыча» скрылась без малейших усилий.

Пусть море было огромным, неизведанным и бурным, но, в противоположность лесу, оно казалось понятным – широким трактом в мир, где люди, подобные Уильяму Фипсу, добивались славы и богатства. Разумеется, в нем жили чудовища, скрывались тайны, но к ним люди были привычны и знали: опытный моряк способен читать поверхность моря, словно книгу. Лес – другое дело. Протоптаные колонистами тропинки терялись в небытии на границе поселения, где заканчивались последние возделанные поля. Там росли деревья,

²⁰ Название Британской академии наук (*прим. пер.*).

²¹ Судьей был зять Джона Гулля, жена которого принесла ему знаменитое приданое в виде серебряных шиллингов (*прим. автора*).

размахом ветвей затмевавшие все, что доводилось видеть англичанину, и с такой чудовищной плотностью, что никто не мог предположить глубину зарослей, по осени вспыхивавших огненно-красным цветом. Вверх по рекам, вдоль индейских троп деревья наступали со всех сторон, скрывая всё и вся. Давно миновали времена, когда европейцам такое зрелище было привычным: их собственные леса почти полностью вырубili, но сказки еще звенели эхом томительного беспокойства, а выражение «сбитый с толку» в английском языке звучит как фраза о человеке, заблудившемся в лесу, потерявшемся в лесной чаще.

Пуритане в ответ населили странный новый мир демонами, и бостонские проповедники многие годы толковали об опасностях угрюмого и безграничного леса Америки, подобного человеческой душе.

То, чего действительно хотел Мэзер, так это защиты. Америка была полем почти материальной битвы добра и зла, сада и пустыни. С искоренением отселенцев, как он надеялся, укрепятся слабые узы общности. После внезапного провала процессов над ведьмами Мэзер изменил свои взгляды и приобщился к вере в добродетель бумажных денег, потому что, подобно многим другим консерваторам, был готов к радикальным действиям во имя взлелеянных идеалов. Новомодные деньги решали старую проблему, поставленную бостонским пуританизмом. Основанные на «кредите всей страны», они плели сеть деятельности и производства между общинами, которым иначе грозили мрак и распад. Выпущенные на основании обязательства, что бумажные купюры так же хороши, как золото или серебро, эти деньги выглядели логическим воплощением американского опыта. Сколь бы торжественным и серьезным не было данное обещание, оно оставалось вопросом веры: вера в общее назначение и будущее, в милость Божественного провидения, в праведность ближнего – то есть во все те догматы, на которых основали новую страну Америку.²²

Если и имелся какой-то род литературы, кроме Библии, которую понимал каждый колонист, так это письменный контракт. У многих в Новом Свете еще не высохли чернила на пальцах: законтрактованные сервы подписывали обязательства отработать перевозку: поселенцы имели договор с компаниями, учредившими ряд колоний; целые братства иммигрантов, подобно пилигримам с «Мэйфлауэра», заключали соглашения о взаимных правах и обязанностях прямо в море. В Америке не хватало прецедентов, и по многим аспектам жизни требовалось вновь и вновь уславливаться о каких-то вещах. Европейцы могли мало менять в системе, где были рождены. Власть и закон, которым они подчинялись, равно как и деньги, которыми расплачивались, спускались сверху; их санкционировала сама история. Но, если первые поселенцы составляли контракты, следующие поколения в каждой колонии сохранили право на представительство в собраниях, до которых они могли донести свои жалобы и пожелания. Почти каждая должность в стране была выборной, от проповедника до церковного сторожа, а верховные власти находились далеко. Разбросанные вдоль узкой полосы побережья между голодным морем и неведомыми лесами, поселенцы заключали собственные соглашения, объединяясь ради помощи и защиты. Возможно, это объясняет, почему они без труда поняли, как работают бумажные деньги. Купюры являлись переходившим из рук в руки общественным договором и знаком ценности, базировавшейся на доверии всего сообщества.

Англичане на родине о деньгах не размышляли: те были спущены вниз согласно королевской прерогативе. В Америке деньги всегда были чем-то фиксирующим закон: бобы,

²² Не то чтобы всякий священник хмурил брови над этой проблемой. «Джентльмены! Вы должны поступать со своими бумажными деньгами так же, как все мудрые мужья поступают со своими женами: примиритесь с ними, – наставлял предподобный Джон Вайз в 1721 году. – Без жен не обойтись. Величайшее искусство заключается в том, чтобы примириться с необходимым и обратить его в счастье». Сам Вайз, видимо, не спешил следовать собственному рецепту, так как позднее подавал прошение о выплате ему жалованья в звонкой монете (*прим. автора*).

вампум, теперь – бумага. Все сообщество брало на себя долг, который в будущем должен был выплачиваться в виде налогов. Стоимость серебра и золота была заложена в уже осуществленных расходах на их добычу и представлении о тогдашнем дефиците. Производство бумажных денег ничего не стоило, в них заключалось лишь обещание, подобно самой Америке.

Так что, когда Мэзер поднимался на свою кафедру Старой Северной церкви, а его паства воскресным утром устремляла свои праведные стопы по нарядным улицам Бостона, чтобы послушать проповедь, и те и другие знали, что в нескольких милях от колокольни и булыжных мостовых даже в конце первого столетия американской истории, начиналась лесная чаща. Каждое поселение было садом, отвоёванным у пустыни, а каждое обращенное к будущему письменное постановление, украшенное по краям ветвями и побегами, цветами и узорами сучков, отражало тему возделывания и огораживания. Уинтроп просил Господа «ввести нас в Твой сад, в котором мы можем вкушать и насыщаться теми удовольствиями, которых не знает подлунный мир». Для Роберта Беверли в Виргинии «кажется, что там сам рай во всем его первоизданном блеске». Слово *рай* означало убежище. Первые поселенцы, особенно движимые религиозными мотивами, с самого начала планировали держаться друг друга. Условия, в которых они оказались, побуждали их к тому же. Ибо не только то, что происходило в саду, делало его благом: благом было то, от чего сад уберегал.

Леса темны, дремучи и не отмечены на картах. Ноги неизвестных дикарей неслышно протоптали здесь неприметные тропы. Пучок перьев, связка ракушек, иногда крики животных, которые принадлежали совсем не животным. Под бескрайним покровом шелестящих листьев многое укрывалось от взора Господа – существа из крови и плоти, нечестивые таинства, привязанные перья, раскрашенная кожа, исчезающие обманки.

Мэзеру было известно нечто, о чем не знали европейские теологи, поскольку с того момента, когда жители Старого Света слышали дыхание окрестных лесов, минула тысяча лет. Все это отошло в царство суеверных воспоминаний. В Америке исход по-прежнему был неясен. Философ Джон Локк, написавший конституцию Каролины, однажды набросал образ прекрасно оборудованной фермы на многих тысячах акров земли, чудесным образом отвоёванной у девственного леса Америки. Он наглядно продемонстрировал, что без рынка все земли, кроме тех, что необходимы для пропитания самого фермера и его семьи, неминуемо придут в запустение. Получилась довольно мрачная картина: промотанное богатство и забвение Божьего Завета. Это значило, что лишь товарооборот и рынки могли расколдовать пребывавший во мраке континент: только деньги были в силах сдержать наступление лесов. Деньги спланивали общины, приводили обитателя лесной глуши и юриста на рынок. Они были необходимы даже для «Священного эксперимента»

Уильяма Пенна (1644–1718). «Цель моя – общество. вспомоществование, оживленная торговля, просвещение молодежи, исправление людских нравов. протяженные и наезженные дороги». – писал он и ради достижения этого советовал колонистам переводить треть своего богатства в деньги. «Там, где не были учреждены деньги, – писал Мэзер, – люди дики и жестоки, и не возделывается ничего доброго»²³.

Деньги, подразумевал Коттон Мэзер, и есть цивилизация.

в 1729 ГОДУ один умный юноша решил рассеять страхи и предрассудки жителей колониальной Америки памфлетом «Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег». Высказываясь не столько в пользу банкнот, сколько за увеличение их количества, вслед за первой денежной эмиссией Пенсильвании в 150 000 фунтов, этот памфлет стал

²³ «Христианский философ» (1721). В своем сочинении «Стремление к добру» (1710) он доказывал, что, возможно, величайшим грехом, в который может впасть человек, является изъятие из обращения и накопление денег [прим. автора].

первой вылазкой в общественную жизнь Бенджамина Франклина, и, как все прочее в изобретательном и остромуме Франклина, он служил нескольким целям.

Франклин любил бумажные деньги так же сильно, как Коттон Мэзер, но был чужд тревог, обуревавших старого проповедника. Колонии окрепли: лес отступал, индейцы бежали на запад, население быстро росло. Франклина трудно представить спорящим с ангелами: если хотелось поспорить, достаточно было встретиться с друзьями в кофейне, или он основывал дискуссионный клуб, или просто писал – многие из его сочинений звучали как набор доводов. Присущее Мэзеру сознание осажденного лагеря казалось безнадежно устаревшим. Даже Бостон в каком-то смысле выглядел ужасно старомодным. Франклин вырос здесь, и город рос вместе с ним, подобно европейским собратьям: стихийно, на кривых вытоптанных пространствах между домовыми участками. В один прекрасный момент Бенджамину надоело работать в типографии своего старшего брата. Коттон Мэзер был еще жив, когда юный Франклин демонстративно повернулся спиной к Бостону и направился со своими талантами в Филадельфию.

Филадельфия дала стремительные всходы после того, как землемеры Уильяма Пенна разметили в виде сетки 2128 акров земли под дома, магазины и сараи. Эта сетка отсылала к нереализованным планам города, которые набросал сэр Кристофер Рен для перестройки Лондона после Великого пожара 1666 года. Но Лондон был слишком стар, чтобы меняться, а Филадельфия была совсем юной. Ее планировка стала калькой для Америки: в конечном счете все города и земли стали планировать в виде сети. Поначалу Франклина ошеломил новый порядок. В своей «Автобиографии» он вспоминал, как, едва прибыв в город, слонялся взад-вперед по улицам и жевал булку за один пенни. Жители и жительницы города глазели на вновь прибывшего: одна из них вскоре стала его женой. Франклин был создан для Филадельфии.

Для Франклина размеченная земля и бумажные деньги шли рука об руку. Его «Скромное исследование» объясняло, как купюры, обеспеченные будущими налоговыми отчислениями, превратят предстоящее процветание в наличность прямо сейчас. «Обилие денежных средств, – писал он, снижает процентную ставку. – И это станет для многих побуждением вложить свои деньги в землю, нежели вывести их из обращения, и вследствие этого стоимость земли начнет расти: и в то же самое время это будет способствовать чрезвычайному оживлению торговли, поскольку люди извлекут большую выгоду, вкладывая свои деньги, нежели занимаясь ростовщичеством».

Далее он доказывал, что это как раз случай Америки – страны больших возможностей, где с дешевыми деньгами и кредитом даже бедняк мог преуспеть за счет предприимчивости: «Многие из тех, кто хорошо разбирается в этом деле [торговле. – Авт.], но не имеет достаточно собственных средств, будут стараться взять деньги взаймы, если это можно сделать под низкий процент».

Суть не как у Коттона Мэзера – держаться друг друга. Франклин говорил о более широкой общности, о народе, и писал о растущих ценах, оживленной торговле. Он хотел, чтобы люди брали деньги взаймы и пускали их в рост: чем больше людей, тем больше земли. Его «Скромное исследование» очень хорошо приняли и перепечатывали во всех американских колониях. Не прошло и десяти лет, а Франклин обеспечил себя контрактами на напечатание денег для Нью-Джерси, Пенсильвании и Делавэра. Пенсильвания даже дополнительно ему платила за уничтожение испорченных и изношенных банкнот. Бумажные деньги подразумевали значительные государственные заказы, поэтому уже к двадцати пяти годам Франклин стал человеком с прочным положением в обществе.

«Выпускаемые под земельные владения векселя, – писал он, – на деле вводят землю в оборот».

к СЕРЕДИНЕ восемнадцатого столетия матрица «земля – долг – бумажные деньги», которой предстояло управлять судьбами Америки на протяжении более сотни лет, хорошо укоренилась. Спекулянты объединяли капиталы, чтобы купить в рассрочку огромные участки целины. Далее им оставалось приглядывать за землей и содействовать ее продаже новым поселенцам. Учредители были состоятельными и влиятельными людьми, а влияние неизменно обеспечивало состояние. Местные законодательные собрания печатали бумажные деньги. Если они обесценивались, следующие выплаты в рассрочку осуществлялись по заявленному номиналу деньгами, стоившими меньше, чем прежде. Покупка и продажа земли стала главным бизнесом Америки.

Сам не чуждый подобных махинаций. Франклин был другом бумажных денег до самой смерти.

Именно деньги, как он учил, заставляют людей объединяться, вдыхают во все жизнь и ускоряют ее, заставляют обмениваться товарами и идеями, вдохновляют бедняка и обеспечивают процесс, в ходе которого богачи делятся своим богатством с остальными, покупая вещи и нанимая людей. Само их присутствие действует как магнит на новых поселенцев и ремесленников.

Ученый, спекулянт, политик, учредитель, Франклин разрушал барьеры и указывал на чудеса невидимого мира: по его мнению, все имело разумное объяснение. Первобытный лес вовсе не являлся угрозой или обязанностью – лишь открывал перспективы. Делом Франклина было заполнять пустоты: искоренять невежество, заселять пустоши, брать чистые листы бумаги и покрывать их печатными буквами.

Франклин был печатником. Вслед за церковью типография стала средоточием жизни колониального общества. Если проповедник рассказывал о загробной жизни, то типограф – о земной. Он постоянно вел переписку и обычно исполнял функции городского почтмейстера, знакомого со всеми известиями, распоряжениями, рекламой и ценами. В типографию, где также можно было приобрести бумагу, перья, чернила и конверты, за новостями и почтой заходил каждый. Некоторые типографские лавки предлагали и галантерею, китовый ус, гусиные перья, соленую осетрину, шоколад и нюхательный табак, флейты, патентованные лекарства и скрипичные струны. Большинство типографов собирали тряпье для производства бумаги. Литеры и чернила привозили из Англии, но обычную бумагу делали на местных мельницах. Печатники размещали объявления о приобретении тряпья в своих газетах:

Платье Делия надела, глаз не оторвешь,
Так красиво, так прекрасно, пальцем не помнешь.
Превратим его в газету, что нам за беда.
Можно мять, а можно гладить каждый день, всегда²⁴.

Франклин наполнял свои газеты доводами, эпиграммами и новостями, отобранными из других газет. Когда он увидел, что каждый лист на дереве имеет уникальный узор из прожилок, такой же сложный и неповторимый, как и все творения Господа, он воспользовался тем, что назвал гравюрами самой природы, – отпечатками собранных листьев, желая дополнительно защитить бумажные деньги от подделки. Для своего альманаха Франклин сочинял столь емкие и складные афоризмы, что они звучали мудростью ушедших поколений, а впоследствии становились таковой. Он повсюду учреждал клубы, дискуссионные общества и масонские ложи. Назначенный в возрасте сорока семи лет главным почтмейстером, чье состояние обеспечивала сеть типографий по всей Новой Англии, Франклин оказался в сердце страны, в которой проснулась невероятная тяга к общению.

²⁴ Реклама Уильяма Паркса в Gazette от 26 июля 1744 года.

Он приобрел свое место за 300 фунтов, оно ему подошло и с лихвой окупилось. С одной стороны, Франклин мог рассылать свою газету по почте бесплатно, с другой – питал страсть к переписке и заполнению пустот. Он хотел, чтобы люди писали письма и делились своими мыслями, желал установить связь между землей и деньгами. Франклин прекрасно подходил на роль балансира: потратил несколько лет, чтобы предотвратить распад Британской империи, затем работал над текстом Парижского мирного договора, чтобы сконструировать прочный мир. Ему нравилось держать в руках сразу множество нитей, подобно тому, как он поймал молнию на шелковую ленту. Электрический Франклин! Он нравился французам, и не меньше прочего – за умение дорого оценить хорошую сплетню.

Его безденежная Америка еще была уединенным и спокойным местом. Америка XIX века с избытком денег и паровыми двигателями, урбанизирующаяся на глазах, тепло откликнется на усилия Торо²⁵ по новому открытию первородной изоляции, вопреки всем усилиям колонистов XVIII века спастись от нее. Патентованная своекорыстная практичность Франклина стала выглядеть, скорее, отталкивающей. Марк Твен испытывал неприязнь к его моральным принципам и даже поспособствовал тому, чтобы окатить презрением чудесную печь особой конструкции²⁶, которую Франклин подарил миру.

Натаниэль Готорн указывал на то, что поговорки Бедного Ричарда из «Альманаха», который Франклин ежегодно публиковал, «все исключительно о том, как заработать или сэкономить деньги». Человек, прибывший в Филадельфию в 1723 году с одним голландским долларом и шиллингом мелочью в карманах, согласился бы с этим. «Никогда ни с кем не спорь», – советовал он Джефферсону. Д. Г. Лоуренс²⁷ с отвращением писал: «Душа человека – это темный лес с дикими зверями. Думай о Бенджамине, огораживая его!»

Лоуренс не жил на краю темного леса. Те же, кто жил, видели в нем мало романтического, если вообще думали о романтике. Никто не писал о пейзажах Америки и не предполагал, что их можно запечатлеть на картине или в рисунке. Подобного рода описание появилось в «Записках о Виргинии» Томаса Джефферсона. Само название ясно указывало на стиль сочинения: «Огайо – прекраснейшая в целом свете река, она течет величественно, воды чисты, а дно, за одним только исключением, ровное и без скал. У форта Питта²⁸ она достигает четверти мили в ширину, пятисот ярдов у места впадения Большой Кановы, одной мили и 25 полей²⁹ – в Луисвилле».

Путешественники, расстояний не отмерявшие, часто затруднялись найти на просторах страны что-либо достойное упоминания. Сара Кембл Найт в 1704 году совершила сухопутную поездку из Бостона в Нью-Йорк и описала пережитое ею одиночество в лесах, проехав «без единой мысли о чем-либо, за исключением самих мыслей». Только разговаривавшие о деньгах люди, напротив, привлекли ее внимание. «Каждый торговец оценивает свой товар соразмерно времени и звонкой монете, которой с ним расплачиваются. Цена натуральным платежом, цена в звонкой монете, платеж, выраженный в деньгах, цена в кредит. Форму натурального платежа принимают зерно, свинина, говядина и т. д. – в ценах, установленных на этот год Генеральным советом. Деньги – это доллары, реалы, бостонские шиллинги или шиллинги залива Массачусетс (как они их называют), либо добрая звонкая монета, как иногда называется ими серебряная монета; также вампум (а именно: индейские пояса), которые

²⁵ *Генри Торо* (1817–1862) – американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, abolitionист (прим. пер.).

²⁶ *Печь Франклина* (пенсильванский камин) – экономичная малогабаритная печь для дома, созданная Б. Франклином в 1742 году. Стала одним из самых популярных его изобретений, до сих пор используется во многих странах мира, но по принципиальным соображениям не была запатентована (прим. пер.).

²⁷ *Дэвид Герберт Лоуренс* (1885–1930) – английский писатель начала XX века (прим. пер.).

²⁸ Ныне Питтсбург (прим. пер.).

²⁹ *Поль* – мера длины, 1 поль = 5,5 ярда или 5,03 м (прим. пер.).

служат для обмена. Платеж вместо денег – это провизия на треть стоимости дешевле установленных Генеральным советом цен; и в кредит – когда они и покупатель соглашаются на рассрочку. И вот, когда покупатель приходит спросить какой-либо товар, продавец, прежде чем ответить, есть товар или нет, часто интересуется: «А деньги-то есть?» Допустим, малый отвечает «да». «В чем будешь расплачиваться?» – продолжает торговец. Цена устанавливается в зависимости от ответа покупателя; допустим, тому нужен нож стоимостью в шесть пенсов; натурой он обойдется в двенадцать пенсов, платежом, принятым в качестве денег, – в восемь и, наконец, в звонкой монете он будет стоить свои шесть пенсов. Такой способ торговли кажется очень запутанным...»

Но американцы, похоже, привыкли к этому, так как с самого начала были вынуждены думать о деньгах. Те стали одним из их инструментов, волшебным телескопом, создававшим непроходимым пейзажам привычные рамки и дававшим колонистам ощущение контроля над тем, что в противном случае оказывалось чаще, полной неожиданностей. Бобры в лесу оценивались по головам; олени шкуры шли примерно за доллар, который поныне называют «бак»³⁰; леса конвертировались в строительную древесину в кубических метрах; землю можно было поделить на участки, продать и заложить. Вся формировавшаяся система обеспечивала возможность быстро переписать, передать, купить и продать загадки Америки. «Жуткие и безлюдные пустоши» первых колонистов могли обратиться в достойный внимания цивилизованный пейзаж. Со временем каждая крупинка континента могла быть оценена по своей оправе и ценности, как бриллиант.

Сторонним наблюдателям эта черта казалась вульгарной подобно установлению цены на любовь и красоту. Но для американцев это было естественным откликом на огромные масштабы и неизведанность континента. Никто еще не пересек его, не говоря о том, чтобы нанести на карты все горы, озера, племена каннибалов, реки и золотые царства. Америка ускользала от взора размытым за деревьями силуэтом.

Франклин продолжил терпеливо разъяснять достоинства бумажных денег, в 1764 году оказавшись перед комитетом британского парламента. Теперь он был умудрен опытом, а его аргументы стали более взвешенными. Бумажные деньги являлись причиной, «благодаря которой провинция [Пенсильвания] столь резко умножила число своих жителей», – заявил он. Они привели к исчезновению «неудобного бартера, вдохнули новую жизнь в бизнес [и] сильно способствовали заселению новых земель (путем предоставления небольших сумм под низкий процент начинающим). Нью-Йорк и Нью-Джерси, – прибавлял он, – так сильно развились за то же самое время именно благодаря использованию бумажных денег; так что, как представляется, они не имеют той разрушительной природы, которая им приписывается».

Похоже, Франклин одерживал победу в споре, но это потребовало немалой ловкости. Американцы многие годы рассказывали правительству о том, сколь они бедны и вынуждены печатать бумажные деньги из-за нехватки звонкой монеты. Поэтому, пожалуй, было бы слишком самонадеянно ждать, что правительство прислушается к Франклину, восхвалявшему бумажные деньги как «причину того, почему провинция так богата». Британцы подозревали, что бумажные деньги просто дали волю необоснованным и неумным амбициям, – пуританский подход, который разделяли многие американцы и который отцы-основатели взяли за основу Соединенных Штатов двадцать пять лет спустя.

Большую часть колониального периода у колоний не было ничего общего друг с другом: разные традиции, разные интересы, разные культы. Все, что их объединяло, – прибрежная полоса и океан, назначаемые из-за моря губернаторы и проблема денежных средств, которая поощряла идеи вроде бумажных денег. Однако британцы считали, что формальный

³⁰ *Buck* – самец любого животного, олень (англ.).

предлог для эмиссий исчез: Канада, наконец, была у них в кармане. Казалось маловероятным, что колониям вновь придется воевать, – при условии, что они будут придерживаться установленных границ и не станут провоцировать индейцев. Использовать бумажные деньги в качестве катализатора экономического развития колоний не имело смысла, поскольку смыслом обладания колониями являлось обеспечение метрополии сырьем по подходящим ценам. Франклин доказывал, что богатые колонии станут покупать больше британских товаров, но британцы видели его насквозь. Бойкие и предприимчивые поселения не менее охотно ввозили контрабандные товары из других стран и даже организовали их производство у себя: обесцененная американская наличность привела бы к завышенной стоимости британских товаров. В итоге английский парламент запретил бумажные деньги в своих колониях в 1764 году, через пять лет после падения Квебека.

Запрет британского правительства противопоставил его некоторым более влиятельным жителям колоний. Например, в Виргинии британские купцы предоставляли табачным плантаторам долгосрочные кредиты под залог их урожая. Плантаторы тем временем медленно поднимались до положения южной аристократии, поэтому умели тратить деньги. Однако череда неурожаев в 1750-е годы оставила их с ворохом долгов. Вынужденные поставлять больше табака, чтобы расплатиться, плантаторы ухватились за идею выплачивать налоги бумажными деньгами, а не «живым» табаком, как ранее. При этом они оценили фунт табака в два пенса вместо рыночной стоимости в шесть. Королевские чиновники, включая приходских священников, негодовали: они рассчитывали, что с ними будут расплачиваться табаком и за полную стоимость. После того как священники отвергли бумажный порядок расчетов, а плантаторы продолжали на нем настаивать, в спор на стороне священников вмешался король, побудив известного оратора Патрика Генри заклеить его тирадом, нарушившим договор со своим народом. «Король, – гремел тот, – потерял право на то, чтобы мы были ему покорны». Тираду Генри встретили криками: «Измена!» – но оратор удержал симпатии публики и был вынесен из зала суда на руках, а ущерб истца оценили в один пенни. Бумажные деньги, как давно подозревали британцы, постоянно подстрекали население к бунту.

Запрет на хождение бумажных денег 1764 года усугубил ситуацию и укрепил жителей Америки во мнении, что Палата общин оторвалась от действительности. Британия сочла удобным наказать всех скопом, и это побудило американцев считать свои обиды общим наследием.

Декларацию независимости США открывает мелочный перечень несправедливостей, который в то время, похоже, имел очень большое значение, хотя сегодня его мало кто читает или помнит. Первые два пункта обвиняли парламент в пренебрежении законами, принятыми собраниями колоний: на самом деле они гласили: мы условились иметь бумажные деньги, а вы взяли и запретили нам это.

4. Антиквары

О революции – Узоры – Масоны – E Pluribus Unum

Американская борьба за независимость была единственной в своем роде: никогда прежде нация не объявляла войну, не имея на нее денег. Даже если революционному Конти-ментальному конгрессу удалось бы собрать по стране все золото и серебро, оно не покрыло бы расходы и на год военных действий. Поэтому, когда Конгресс начал работать в Филадельфии 10 мая 1775 года, у комитета по финансам ушло всего четыре дня на то, чтобы рекомендовать ему выпуск кредитных билетов или бумажных денег, и 22 июня делегаты вотировали сумму в 2 млн испанских песо.

Это голосование было первым из многих других подвигов веры, которые привели к независимости. Власть Конгресса, моральная или юридическая, была весьма шаткой. Конгресс не являлся правительством, скорее, походил на благотворительное учреждение. Он собрался в качестве площадки, где колонисты могли озвучить свои обиды. Поскольку никто в Англии, кажется, не был расположен прислушаться, Конгрессу пришлось взять на себя ведение войны. Но никто повсеместно не горел желанием давать или ссужать ему деньги. Только колонии, каждая в отдельности, имели право облагать своих граждан налогами, и депутаты Конгресса осознавали пределы своих полномочий. «Вы же не думаете, джентльмены, – заявил один из них, – что я соглашусь обложить своих избирателей налогами, когда мы можем обратиться к помощи печатного станка и получить вагон денег, одного листа которых хватит на то, чтобы все оплатить?»

Проблема Конгресса заключалась еще и в том, что даже националисты не могли предсказать, к чему приведет развитие событий – к полной независимости или к новому соглашению с британским парламентом и королем. Тори и лоялисты молились о перемирии или поражении. Радикалы жаждали освободить от европейского владычества весь континент: от Ньюфаундленда до Багамских островов. Даже самые ярые из них могли питать подозрения насчет Конгресса – ревновать к его власти, говоря языком того времени, – потому что рассчитывали добиться независимости собственных штатов. В течение года или около того вовлеченные в борьбу знаменитые 13 колоний могли превратиться в 18 или 12: все зависело от того, присоединится ли к ним Джорджия, откликнутся ли на призыв мятежников Ямайка или та же Канада.

Штаты так и не предоставили Конгрессу право облагать налогами своих жителей, и большинство американцев – даже в военное время – не проявляли особого стремления платить налоги вообще, несмотря на наказ Джона Адамса своей жене Эбигейл «выплатить все до единого налога, которые будут введены, даже если для этого тебе придется продать мои книги, одежду, быков и твоих коров». Том Пейн писал: «Тот, кто платит свои налоги, делает для своей страны больше добра, чем самый громкий краснобай». Все эти заявления были обманчивы: в лозунге «Нет налогам без представительства!» акцент обычно делали на первых двух словах. Конгресс мог лишь просить о снабжении. Армия Вашингтона, замерзавшая зимой 1777/1778 годов в долине Вэлли-Фордж, прочувствовала градус энтузиазма штатов на своей обмороженной коже и нашла его невысоким. Но, по крайней мере, это была армия.

По итогам первого голосования Конгресс обзавелся бумажными деньгами, которые были деноминированы в песо. Фунты и шиллинги оказались бы непрактичными – каждая колония имела собственную валюту, обесценивавшуюся разными темпами. К 1760-м годам для приобретения одного-единственного британского фунта требовалась тысяча фунтов штата Мэриленд. Если бы колонистов это еще волновало... Они забыли о стерлингах. Только занятые торговлей в Лондоне купцы возились с убийственными справочниками,

подобными отпечатанному в Лондоне незадолго до Войны за независимость «Американскому негодянту», дававшему обменные курсы между стерлингом и всеми местными валютами американских колоний. Томас Джефферсон тоже набрасывал себе курс местных валют всякий раз, когда пересекал границы колоний, но, когда отправил человека в Англию купить книги, отбросил в сторону «Американского негодяна» и свои заметки, послав тому тридцать голландских гульденов и серебряный кофейник. Единственной монетой, которая во всех мятежных колониях стоила почти одинаково, являлся испанский доллар.

Бумажные доллары Континентального конгресса с ноября 1779 года должны были выкупаться четырьмя партиями в твердой валюте, взятой из налогов штатов. Конгресс полагал, что бумажные деньги, обеспеченные всеми поселениями, послужат «новой связующей нитью между объединенными колониями», хотя конгрессмены и не были готовы сказать каждому штату, на выплату какой доли от общей суммы они рассчитывают. Это случилось 22 июня. На следующий день Бен Франклин и Джон Адамс присоединились к комитету, призванному реализовать печать новых купюр на практике.

За источниками вдохновения комитет обратился к книгам из франклиновской библиотеки. Они заглянули в майнцкое издание 1702 года «*Symbolorum ac Emblematum Ethlico-Politicorum*»³¹ Иоахима Камерария, а также в «*Idea principis Christiano-Politici Symbolis*»³² Диего Сааведры (известно, что один экземпляр 1660 года издания в Америке, вероятно, принадлежал Франклину). «*Emblematum Repositorium*»³³ Д. К. Вейгельса обеспечил символом и девизом купюру в пятьдесят пять долларов, на которой красовалось изображение выглядавшего после бури солнца. Адвокат из Филадельфии по имени Фрэнсис Хопкинсон разработал символы и девизы для купюр семи других номиналов. Обратные стороны банкнот украшали сделанные Франклином безыскусные оттиски самой природы – листьев пижмы, шелковицы, орешника, малины, крестовника, лютика, чистеца, шалфея, яснотки, ивы, винограда, розы и пиретрума, а также прожилок листьев вяза.

Эти оттиски резко контрастировали с изображениями, появившимися на лицевой стороне банкнот, поскольку при выборе символов, девизов и лозунгов, по всей видимости, комитет руководствовался необходимостью подчеркнуть все, что было возвышенного и философского в революции, далекого от повседневных политических дряг. Среди них – эзотерические изображения, отсылавшие к алхимии с ее поиском сущности и структур. Камерарий – признанный знаток ботаники – обеспечил сельскими картинками. Дикий вепрь, бросающийся на копьё; выбитое цепом зерно, цапля и парящий над ней орел; грызущий дерево бобр с девизом *Perseverando* («Упорством»), разыгравшийся на море шторм. Сааведра «снабдил» лирой с тринадцатью струнами, олицетворявшими тринадцать колоний, с девизом *Majora Minoribus Consonant* («Большой и малый в согласии»), что значило: большие колонии в согласии с маленькими колониями. Франклин лично придумал девизы и изображения на четырех купюрах самого мелкого достоинства – той или иной части доллара. Они изображают лучи над солнечными часами («Ускользаю. Не суйся не в свое дело»). На обороте – непрерывная цепь из тринадцати колец и слова: «Мы, единый Американский конгресс». Первый набор матриц выгравировал Пол Ревир по прозвищу «Британцы идут!». Когда восставшие эвакуировались из Бостона, Ревир остался без станка, но с нуля собрал новый и распилил пополам одну из собственноручно выгравированных матриц, чтобы заняться обратной стороной и выполнить заказ вовремя.

Бумажные доллары, прозванные «континенталами», представляли собой первые символы Соединенных Штатов. Ничто иное так и не стало иконой мятежа. До «звездно-поло-

³¹ «Символы и эмблемы этнополитики» (лат.).

³² «Главные идеи христианско-политических символов» (лат.).

³³ «Хранилище эмблем» (лат.).

сатого» оставалось два года: патриотическим чувствам по поводу государственного флага было суждено пробудиться в XIX веке. Национальный гимн пока тоже не сочинили. Колокол свободы еще не пробили, никто не произносил речь по случаю Четвертого июля, пост президента не изобрели, уже не говоря о том, чтобы его избрать. Всю силу политической рекламы возложили на бумажные доллары Континентального конгресса.

Подлинная денежная стоимость «континенталок» значения не имела. Она никогда не являлась слишком высокой, была обречена на колебание, в зависимости от того, какой оборот принимали боевые действия. В конце концов «континенталки» камнем пошли ко дну – после того как британцы ретировались, и стало казаться, что восстание увенчалось успехом. Все задавались вопросом: «Что, черт возьми, придумает Конгресс, чтобы выкупить эти деньги?»

АМЕРИКА, прототипом которой стали банкноты Франклина, была столь новой, одновременно всеохватной и заговорщицкой, что озадаченная публика попросила напечатать объяснение всех девизов и надписей, опубликованных в газетах.

Франклин был масоном, его коллега Фрэнсис Хопкинсон (1737–1791), вероятно, тоже: списки масонов того времени фрагментарны. Хопкинсон был первым адвокатом, который закончил Колледж Филадельфии. «Он один из ваших прелестных, маленьких, любопытных, предприимчивых людей, – заметил Джон Адамс. – Его голова не больше крупного яблока». Хопкинсон играл на клавесине и считал себя первым местным уроженцем, сочинившим музыкальную вариацию на тему популярной песни «Мои дни были столь восхитительно привольны». Проводил дома научные эксперименты, писал стихи и сдержанную сатиру, посещал Англию, подписал Декларацию независимости, научил домашнюю мышь бегать вокруг стола и есть со своей ладони. Джефферсон писал ему: «У меня лишь несколько слов для вас. и три из них: «Я вас люблю».

Закончив с долларом, Хопкинсон обратился к дизайну американского флага, принятого Конгрессом в 1777 году. В окончательный вариант Большой печати Соединенных Штатов тоже вошел ряд его предложений. Они перекликались с эскизами континентальных долларов, «которыми немало восхищались за их уместную многозначительность»³⁴. На сорокадолларовой банкноте был запечатлен сверкающий алтарь с тринадцатью лучистыми звездами под изображением Всевидящего Ока. На пятидесяти долларах – знаменитая незаконченная пирамида из тринадцати ступеней.

Большая печать воспроизведена на обороте современной долларовой купюры. Она там размещена почти семьдесят лет и некоторых до сих пор смущает, хотя изображение, несомненно, уникальное. Бумажные деньги разных стран мира, как правило, содержат изображения знаменитых людей, памятников, королей и королев, прекрасных новых дамб, местной фауны или причудливые графические символы, словно они являются порождением местных турбюро.³⁵ Доллар же, напротив, кичится своим странным видом. На одной из сторон Большой печати изображен орел со щитом, на другой – незаконченная пирамида под сверкающим оком. Око обычно принимают за символ Божьего Всевидящего Ока. Но в действительности это, вероятно, Око народа – всевидящее и недремлющее, раскрывающее козни власти и предупреждающее республику от посягательств на ее свободу.

Впервые оно появилось на обороте долларовой банкноты в 1935 году, когда разрабатывали новый курс³⁶ Рузвельта, призванный вытащить Америку из Великой депрессии.

³⁴ William Barton. *Memoirs of the Life of David Rittenhouse* (1813).

³⁵ Королева появилась на банкнотах Банка Англии только в 1965 году, как раз вовремя, чтобы капитализировать постимперскую тягу к монархии туристов со всего мира (*прим. автора*).

³⁶ Буквальный перевод с английского: «новый порядок» (*прим. пер.*).

Министр сельского хозяйства Генри А. Уоллес однажды празднo разглядывал изображение печати, когда его внезапно осенило, что надпись *Novus Ordo Seclorum* означает «Новый порядок веков». Он принес картинку президенту Рузвельту, который, как вспоминал сам Уоллес, «сперва был поражен присутствием на ней Всевидающего Ока – масонского символа Великого Архитектора Вселенной, а затем был поражен мыслью о том, что основания для нового курса на века заложили в 1776 году, и он будет претворен в жизнь только под оком Великого Архитектора». Оба собеседника являлись масонами. Оба признали, что торжествующее око, пирамида и повторяющееся число тринадцать отсылают к масонству.

Уоллес позднее вспоминал, что Рузвельт обратился с вопросом к Джеймсу Фарлею, генеральному почтмейстеру и католику, «не думает ли тот, что католики будут протестовать против Всевидающего Ока, в котором он, как масон, видит масонский символ Всевышнего». Фарлей ответил: «Нет, никаких протестов не будет».

Американские католики в целом не углубляются в теории заговора. Возможно, по той причине, что сами время от времени оказываются в центре подобных теорий. Однако полно и тех, кто имеет претензии к Большой печати. Обычно она наводит их на мысль о масонском или даже сатанинском заговоре против республики. В их воображении масоны, или кто угодно, создал и государство в государстве и тайно направляют ход событий. Это род убеждения, которое трудно поколебать: если его никто не оспаривает, это доказывает, что им есть что скрывать; но, если оспаривают, это доказывает ровно то же самое. Однако глаз в пирамиде – не исключительно масонский знак, а привлекательный эзотерический мотив, который масоны позаимствовали и стали использовать в XIX веке. Несомненно, его появление на Большой печати – порождение заговора, но против британского правления, в котором, как ожидалось, примут участие все американцы.

ДЕВИЗ Большой печати – *E Pluribus Unum* – предложил Пьер Эжен дю Симитьер, образованный и эксцентричный антиквар-самоучка, которого почитали за основателя, куратора и главного покровителя Американского музея, размещавшегося в Филадельфии, в доме на углу Арк-стрит и 4-й улицы. Швейцарец по рождению, он жил на Вест-Индских островах, где рисовал графику и портреты ради средств на удовлетворение своей страсти к коллекционированию. Девять лет он странствовал по континенту от Род-Айленда до Южной Каролины, собирая примечательнейшую коллекцию образцов естественной истории, местных древностей, книг, рисунков, листовок, монет, печатной графики, рукописей и договоров. Подобно многим жертвам этой мании, он оправдывал свою тягу к собиранию всякого хлама желанием написать книгу под скромным заглавием «Естественная и гражданская история Вест-Индии и Северной Америки».

В 1774 году дю Симитьер снял две комнаты в Филадельфии. В одной он наспех обустроил студию, где писал портреты и миниатюры с большинства знаменитых обитателей и гостей города, включая Джорджа Вашингтона, Пьера Ланфана и британских офицеров периода оккупации. Другая комната превратилась в его собственный Музей Америки – первый в своем роде: небольшой стихийный предшественник Смитсоновского музея и Библиотеки Конгресса, открытый для свободного посещения публики с входной платой в полдоллара. Он по-прежнему хотел написать книгу, хотя теперь она превратилась в историю революции: в 1779 году антиквар безуспешно добивался трехлетнего гранта Конгресса для себя в качестве «историографа Конгресса Соединенных Штатов». В 1781 году с тринадцати портретов за его авторством в Париже были сняты гравюры, впервые бегло познакомившие европейцев с лидерами американской революции, но пиратские издания не позволили на этом зарабатывать. Два года спустя он лишился фаланги одного из пальцев: здоровье было подорвано, и в 1785 году дю Симитьер умер в бедности.

Девиз, который он предложил комитету, занятому разработкой внешнего вида Большой печати, отлично подошел бы и ему самому: «Из многих – один» (*E Pluribus Unum*). Это был и подходящий девиз для нового государства, поэтому его утвердили без возражений. Однако с той поры многие задавались вопросом, откуда появилась фраза. В «Георгиках» Вергилия есть нечто похожее, но совпадение не точное.

Всякий, кто исследовал классиков в поисках *E Pluribus Unum*, копал слишком глубоко: дю Симитьер позаимствовал цитату в *Gentleman's Magazine* («Журнале джентльмена») – ежемесячном журнале, издаваемом в Лондоне, который имел массу читателей по обе стороны Атлантики. В свое время это было более влиятельное и солидное учреждение, нежели правительство Соединенных Штатов. Большинство из тех, кто мог позволить себе подписку, имели в своих библиотеках переплетенный годовой выпуск «Журнала джентльмена», и на титульном листе этого издания, начиная с 1731 года, появились слова: «*E Pluribus Unum*». Так что дю Симитьеру не пришлось долго искать.

«Журнал джентльмена» издавался до 1922 года, пока не уступил перед реалиями коммерции. Возможно, в траншеях Первой мировой войны погибло слишком много джентльменов или его статьи были чересчур длинными. В любом случае, он больше не мог выходить ежемесячно, и потребность в годовом переплетенном варианте отпала. Журнал сократился до *Gentleman's Quarterly*, который долгие годы сохранялся в подписке библиотек и у консервативных дантистов, выкладывавших его в своих приемных в качестве своеобразного предварительного анестетика. В 1980-е годы из унылой старомодной вещицы джентльменов он превратился в модный ежемесячник с обнаженными девушками и быстрыми автомобилями под названием *GQ*.

После того как с макетом определились, и печать была завершена, для выпуска денежных знаков назначили казначеев Соединенных Штатов. Чтобы подписать и пронумеровать банкноты, сформировали Комитет джентльменов. Вероятно, кто-то помнил, что Джон Гульбрал шиллинг с каждых двадцати монет, отчеканенных им для Массачусетса, поскольку джентльменам с правом подписи платили лишь одну целую три десятых доллара за каждую тысячу изготовленных дензнаков.³⁷ Колониальные бумажные деньги неизменно подписывались теми, кто занимал подобающее положение, что давало определенные основания доверять деньгам. Но едва ли кто-нибудь пользовался таким авторитетом по всему континенту. Те немногие, кто мог на это претендовать, могли найти себе лучшее применение, нежели подписывать банкноты. Подписи избранных вслепую джентльменов лишний раз увековечили бы анонимность нового панамериканского общества.

К августу Конгресс поднял свои запросы до 3 млн долларов. Джентльмены были сильно загружены работой, и реальные деньги появились лишь к ноябрю. Тогда Конгресс убедился, что этой суммы будет недостаточно, и заказал еще денег. Поручители продолжали ставить свои подписи – по две на каждую банкноту: одну – коричневыми чернилами, другую – красными, а их количество выросло до 275 человек. Тем временем Конгресс исторгал все больше денег в надежде угнаться за обесцениванием выпускаемых банкнот. Подписание дензнаков напоминало очистительную жертву. По словам одного банкира, жившего в XIX веке, «установленный для самого себя предел равнялся тысяче листов (четыре тысячи подписей) в день. Для одного дня это не было бы трудной задачей: но выполнять это на протяжении недель и месяцев, как приходилось мне, было бы слишком негуманным наказанием даже в отношении самых отъявленных преступников».

³⁷ Henry Phillips Jr. *Historical Sketches of the Paper Currency of the American Colonies*. 2-nd ser (1866). С учетом того, что доллар делился на восемь реалов, треть доллара была неудобной суммой, пока не пересчитывалась в местные фунты стерлингов, конвертируемые по курсу 4 шиллинга 6 пенсов за доллар, что давало один шиллинг и семь пенсов (*прим. автора*).

Подписи ставили шесть Моррисов и четыре Смита. Было также три Джонса, три Графа, три Грея, три Селлера и три Юнга; по два Эванса, Ши, Эйра, Рида, Реда, Бадда, Хейзелхерста и Гезера; пара Стречей и Вильсонов, по два Селтера и Бонда, равно как Горациев и Ринальдо Джонсонов. Еще имелись господа по фамилии Гембл, Коннер и Кокки, Шпрогель, Куль, Леви, Гаррисон, Эрандес и Фоулк. Поручителями были Корнелий Комегис, Захария Маккабин, Эммери Бедфорд и Исаак Олл. У некоторых имелись простые имена подобно Полю Коксу и Дэниелу Хитту; благородные прозвища вроде Пёрвайанс или хоббитские наподобие Кренча и Орда: непризнанные типа Кайгхна и Хиллегхаса. В списке также значились Дерби Люкс. Эркуль Куртнэ, Аквила Норрис и даже Алкаш П. Смит. Все они были рядовыми гражданами, которым иногда платили за час, а иногда – поштучно. В конце концов они скрепили своими подписями не три миллиона долларов, а более 241 млн: \$241 552 780. если быть точным. К 1780 году один доллар в звонкой монете стоил сорок «континенталок».

Потеря стоимости денег делает осязаемым то, что обычно невидимо: настроение и доверие народа. 7 ноября 1775 года филадельфийскому Комитету общественного спасения стало известно, что квакеры Филадельфии отказываются принимать к оплате новые деньги, мотивируя это тем, что, будучи пацифистами, они не могут прикасаться к деньгам, созданным для ведения войны. Но, поскольку существовало немало свидетельств того, что квакеры часто использовали колониальные бумажные деньги, выпущенные с целью покрыть расходы на войну с французами, то власти пригрозили серьезными последствиями в ответ на любую попытку не принять «континенталки». В январе 1776 года Конгресс провел жесткую резолюцию против любого, кто, «лишившись всякого достоинства и уважения к своей стране», отвергнет бумажные деньги или поставит под сомнение их стоимость.³⁸ «Уважение к своей стране», под которой подразумевалась Америка, было совершенно новой концепцией.

Впрочем, это было далеко не последнее решение Конгресса, принятое в сердцах. Дэниел Вебстер заметил, что «навязывать деньгам стоимость и доверие к ним карательными постановлениями» можно с тем же успехом, что и «подстегивать любовь плеткой из воловьей кожи». Многие, подобно Вашингтону, видели в обесценивании денег «печальное свидетельство упадка общественной морали». «На повозку денег, – писал Вашингтон, – едва ли можно купить повозку продовольствия». «Мы все ошиблись в наших представлениях о том, как разбогатеть, – писал один остряк в газете "Пенсильвания пэкет" 5 июня 1779 года. – Да, у нас появились деньги. У меня денег больше, чем когда-либо прежде, но я, как никогда, беден».

У этой ситуации были и свои неприглядные стороны. Куда бы ни приходили британские войска, а порой они появлялись повсеместно, разумеется, они отвергали «континенталки». Поэтому особенно нервные граждане не хотели принимать их в качестве платы даже в лучшие времена. Между тем, признавая ценность банкнот для неприятеля, британцы наводняли поддельными «континенталками» территории, неподконтрольные своей армии. Обесценивание денег било по армии Вашингтона, когда она пыталась купить припасы, чтобы прокормиться в течение несколько суровых зим. Британские войска, расквартированные в Нью-Йорке, напротив, были так хорошо обеспечены молодцеватыми офицерами и сладостно звенящей монетой Георга III, что зимний сезон 1777–1778 годов, который Вашингтон провел, дрожа от холода, в Вэлли-Фордж, был признан самым блистательным и великолепным за всю историю города.

Конгресс продолжал настаивать на том, что банкноты будут выкуплены в звонкой монете, как только наступит срок платежа. «Не заслуживающая доверия обанкротившаяся республика стала бы новостью в политическом мире, – заверял публику Конгресс, – и среди

³⁸ Charles Bullock. Essays on the Monetary History of the United States (New York, 1900).

уважаемых наций уподобилась бы простой уличной девке среди целомудренных и почтенных матрон». Никто не поверил ни единому слову властей, и через пять лет после первой эмиссии пророчество сбылось: в 1780 году Конгресс резко обесценил денежные знаки, приравняв сорок старых долларов к одному новому. Выпустили новые банкноты под гарантии купцов. «Мы питаем полную уверенность в том, что эти деньги будут столь же востребованы, как золото и серебро, – уверял сограждан Конгресс. – Поскольку у нас нет нужды печатать деньги, мы ждем, что вы будете использовать их, не выражая впредь какой-либо тревоги касательно их надежности». Не прошло и нескольких дней, как деньги начали обесцениваться.

Недостатки денег Континентального конгресса перевешивало то, что они достигли конечной цели, позволив своим армиям сражаться так долго, как это требовалось для победы над британцами и завоевания независимости. Заграничные наблюдатели восхищались этим фактом, но понимали его с трудом. Войны Франции и Англии в конечном счете неизменно оплачивала беднота: именно ее силком затаскивали в армию рекрутские наборы, именно она покрывала львиную долю чрезвычайных налогов, расплачивалась жизнями и имуществом в ходе боевых действий. Америка вела и выиграла войну во имя целей, установленных, по большому счету, общим согласием, не прибегая к прямому налогообложению и подпитываясь лишь тонкой струйкой звонкой монеты из Франции и Испании. Это была народная война, что само по себе революционно.

Издержки войны покрывались, как признавал Франклин, своего рода косвенным налогообложением. В 1780 году он с иронией сообщал в письме к другу: «Конгресс, как вы догадываетесь, не сильно искушен в финансах. Но недостаток знаний с лихвой компенсировался удачей. Они выпустили огромное количество бумажных денег, чтобы оплатить жалованье, одеть, вооружить и накормить свои войска и снарядить наши корабли: и с этой бумагой, без налогов они первые три года боролись с одной из могущественнейших европейских наций. Они надеялись, невзирая на количество, удержать стоимость своих бумажных денег. В этом они просчитались. Но эта инфляция, пусть при некоторых обстоятельствах и обременительная, имела то большое благо и полезное свойство, что действовала в качестве налога, и, возможно, справедливейшего из всех налогов, поскольку она больше всего била по тем, у кого деньги были на руках, и тем самым облагала их пропорционально сумме и времени ее накопления, то есть, по сути, пропорционально достатку человека».

Каждый раз, когда бумажные деньги переходили из рук в руки, они слегка теряли в стоимости: эта небольшая разница и была вкладом держателя денег в общие расходы на войну. «Инфляция – податной чиновник, – с воодушевлением писал губернатор Моррис, – который отыскивает каждый фартинг и карает всякую попытку надувательства». Чем дольше кто-либо держал на руках банкноты, тем больше терял, решив обменять их на товар. Бизнес был весьма оживленным. Более радикальным, пожалуй, являлось то, как этот косвенный налог ударял по богачам пропорционально их накоплениям. Деньги вновь оказались революционерами в том, что касалось социальных отношений в Америке, как и сто пятьдесят лет назад, когда Уинтроп набросал сценку о хозяине и слуге; только на сей раз причиной был не недостаток средств, а их излишек.

В конечном счете деньги Континентального конгресса, прожив свою жизнь и исполнив свое предназначение, «тихо скончались», как выразился Томас Джефферсон. В оборот вошло выражение «не стоит и "континенталки"». Цирюльник обклеил ими свою парикмахерскую. Один раненный в ногу ветеран якобы использовал пачки выданных в качестве жалованья бумажных денег для перевязки и так дал им новое прозвище – «пластыри», которым отныне описывали любые купюры, которые не могли быть выкуплены. Распущенный в Бостоне экипаж одного из кораблей с жалованьем, выплаченным в ничего не стоивших бумажках, исхитрился сшить из банкнот костюмы и щеголял в них на улицах. «На протяжении двух или трех

лет мы постоянно слышали и сами становились свидетелями того, как кредиторы спасались бегством от своих должников, а те с успехом их настигали и расплачивались безо всякой пощады», – писал Уизерспун. На карикатурах кредиторы дрожали от страха на чердаках или высматривал и посетителей из заднего окна, готовые молниеносно скрыться. Парад победы в Филадельфии превратился в денежный бунт, когда национальные знамена оказались в руках людей, соорудивших из банкнот кокарды на шляпах, а у них под ногами бегала вымазанная в дегте и вывалянная в «Континенталках» собака.

Предполагалось, что «континенталки» будут возмещаться с помощью уплаты налогов штатами. К несчастью, штаты печатали собственные бумажные деньги, ведь, в конце концов, они тоже вели бои. На купюрах Виргинии богиня попирала Альбион сапогом (когда виргинские деньги обесценились в тысячу раз. пара башмаков стоила 5000 долларов). Северная Каролина использовала серию зловещих лозунгов: «Защита Провидения – праведное дело» или «Да будет неуклонной целью свобода и независимость». Спустя год их сменили девизы на латыни. напоминавшие письма с угрозами, составленные из обрезков газет: «Остерегайся подделок!», «Поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали другие». В одном из штатов обвалившиеся в цене купюры «похоронили» при большом стечении народа и с военными почестями. Когда гроб с деньгами опустили в могилу, над ним от лица вымышленных друзей и благодетелей произнесли несколько речей с перечислением заслуг «усопшего». В завершение погребальной церемонии один из ораторов воскликнул, размахивая новой банкнотой штата: «Приготовься и ты, ибо ты тоже умрешь!» Скоро предсказание не преминуло исполниться.

5. Мудрец

О Джефферсоне – Монтичелло – Система мер и весов – Жизнь на Юге

В 1777-м, через год после написания Декларации независимости США, Томас Джефферсон занялся строительством нового дома на вершине одного из холмов в Южной Виргинии, с подветренной стороны горного хребта Блю-Ридж. С восьмиугольником красного кирпича, увенчанным невысоким куполом, усадьба Монтичелло стала самым восхитительным зданием Америки того времени.

По периметру купола идет балюстрада из белого камня; ниже, по фронтому – портик и четыре высоких окна со скользящими английскими рамами. От дома отходят две изящные веранды, которые ведут в два очаровательных небольших павильона – мистер и миссис Джефферсон жили в одном из них, когда начались работы в усадьбе. Общий замысел был скромнен. Дома выше и больше сегодня вырастают как грибы, причем готовые. А в переднюю Монтичелло не сбегает парадная лестница, комнаты невелики по размеру, и лужайка позади дома годится разве что для игры в крикет.

Джефферсон приложил руку к каждому дюйму этого замечательного особняка, воплощавшего его философию. Он набросал план, провел вычисления, уточнил некоторые сведения по книгам и – насколько мог – наблюдал за ходом работ. Монтичелло был – так, по крайней мере, верил его архитектор – подходящим типом дома для республики, воплощал веру в жизнь, свободу и стремление к счастью своего создателя. Характерными чертами такого строения являются экономичность и точный расчет. Джефферсон считал их республиканскими добродетелями, старался руководствоваться ими в повседневной жизни. Виды, открывающиеся из дома, подобно идеализму Джефферсона, необъятны. Каждая комната на нижнем этаже окнами выходит на лужайку и павильоны или на всю Южную Виргинию. Кабинет, где работал Джефферсон, пребывает в живописном беспорядке, а его стоящая в простенке кушетка соединяется с гостиной, как глубокая и уютная каморка дворцового.

Один из десяти детей в семье, Томас родился в 1743 году на отцовской плантации в Шедуэлле, в Виргинии. Питер Джефферсон умер, когда Тому было четырнадцать, но рядом находилась не чаявшая в нем души старшая сестра, которая помогала воспитывать мальчика, привила ему любовь к книгам и музыке. В шестнадцать он поступил в колледж Вильгельма и Марии, уже бегло говоря на греческом и латыни, – щеголь из Виргинии с пятью тысячами акров земли в собственности, умевший одинаково хорошо держаться в седле, охотиться и танцевать. Колледж предоставил в его распоряжение лучший в Америке арсенал научных приборов и обучение под началом общепризнанного знатока юриспруденции – Джорджа Вита. Томас женился на богатой вдове и стал членом Палаты представителей Виргинии в 1769 году.

Джефферсон был ширококостным юношей с веснушчатым лицом, слишком застенчивым, чтобы ораторствовать, но одаренным холодной логикой, которая привела его в ряды революционного движения. В 1775 году он высказал один из самых убедительных аргументов в пользу независимости США в своем «Общем обзоре прав человека в Британской Америке», который апеллировал к понятию народного суверенитета. Бог, писал он, даровал людям свободу, когда дал саму жизнь: «Свобода может быть ущемлена силой, но не отторгнута», и потому «по самой природе вещей всякое общество должно неизменно располагать суверенными законодательными правами». Уход британцев предоставил американцам шанс получить эти права в свое распоряжение.

В начале 1780-х годов Джефферсон выступал в роли фермера, депутата Палаты представителей Виргинии и делегата Конгресса Конфедерации. Он только приступил к своим трудам.

При жизни Джефферсона через Монтичелло шел непрерывный поток иностранных гостей и подающих надежды политиков, ученых, садовников, архитекторов, изобретателей, финансистов и зевак. Ныне усадьба существует за счет туристов. С самого начала, от конюшен до полей, от лачуг негров-рабов до усадебного дома, Монтичелло коренился в земле. Для Джефферсона, как и для большинства виргинцев – его современников, – тот, кто трудился на земле, не просто удостаивался Царства Небесного. Этого, конечно, тоже. Но земля была единственным подлинным видом собственности, приносившей надежный доход в виде урожая, на что Господь обрек человечество в земном мире. Собственность являлась основой цивилизованного общества. Она давала людям независимость и позволяла следовать тому, что предначертано разумом. Ее защита останавливала от посягательства на права других. Земельная собственность, с точки зрения жителей Виргинии, делала людей честными и свободными.

Когда по указанию Джефферсона вершину девственного холма ровняли и готовили под строительство, а затем возводили дом, он сам создавал то, что, по его мнению, должно было стать Самым Прекрасным Местом для него и семьи. Во многом именно доводы и энтузиазм Томаса Джефферсона заставили молодую республику избрать классицизм в качестве стиля для общественных зданий: «Мы хотим подчеркнуть величественность замысла, республиканскую простоту и то подлинное изящество пропорций, что перекликается по духу с умеренностью свободы, исключая фривольность – плод умов недалеких». Будучи госсекретарем, он давал советы архитектору Пьеру-Шарлю Ланфану относительно строительства Вашингтона («я бы предпочел, чтобы последовали одному из античных образцов») и проектировал академический городок в Шарлотсвилле – университет Виргинии с его ротондой в виде половины римского Пантеона. Томас сам получил заказы на строения в таком же архитектурном стиле, включая семь домов, церковь, два здания суда и помещения для законодательного собрания штата.

В Монтичелло Джефферсон сочетал классический республиканский идеал с хозяйственностью и, прежде всего, с землевладением. Он взял безымянный холм и упорно трудился над ним, пока тот не зазвучал под стать античным образцам и политическим реминисценциям. Именно такой ему хотелось видеть Америку: величайшим собранием «прекрасных мест». Монтичелло, целиком подчиненный нуждам семьи Джефферсона и потребностям плантации, буквально забит вещами и людьми. Это не помещичья усадьба георгианской Британии, предполагавшей классовую идентичность, из-за которой дома во многом повторяли друг друга. Джефферсон хотел поощрять разнообразие – ведь сходство таило угрозу свободе. Гарантией свободы, как он ее понимал, был независимый ум, тесная связь с родной землей и защита частной собственности. Семья, честно владевшая землей и усердно трудившаяся на ней, была на верном пути к обретению независимости: работа на земле выявляла внутренние качества и способности человека. Добродетельная республика Джефферсона покоилась на таких семьях – равных и свободных. И по мере того, как их число множилось, росла и республика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.